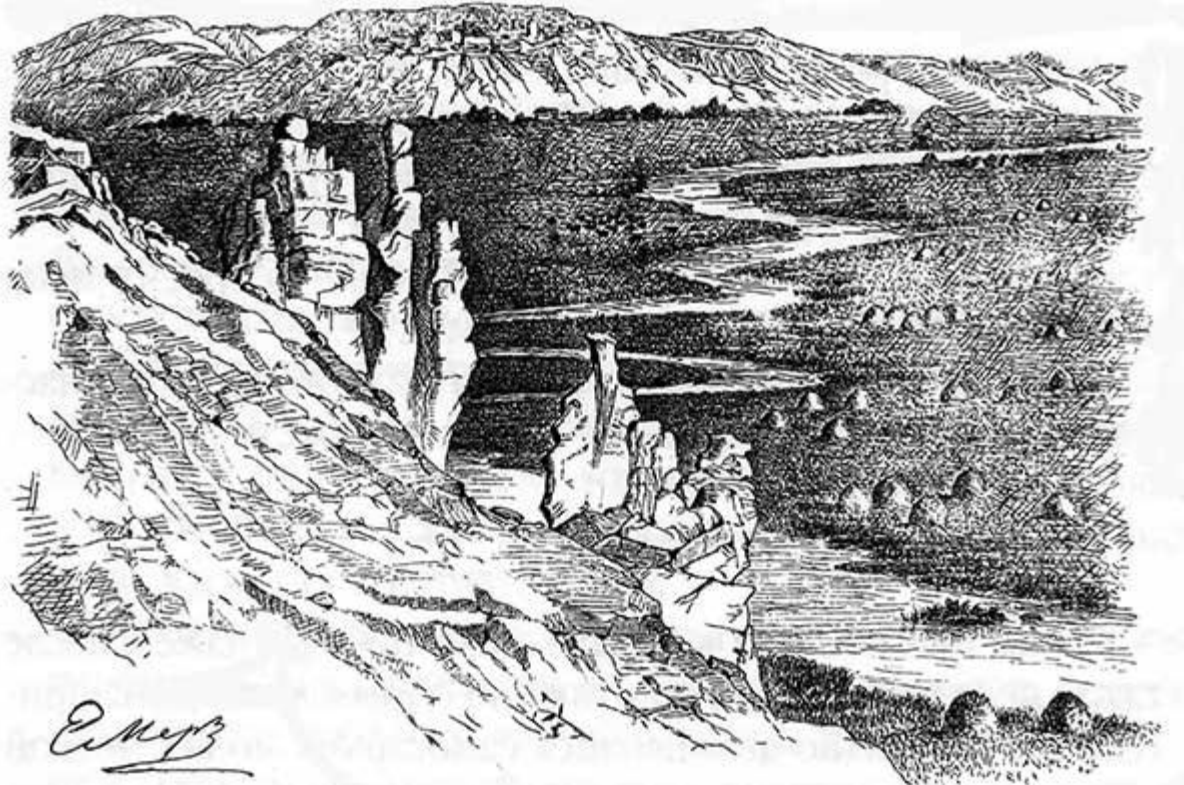

Евгений Львович Марков

Поездка в Дивногорье

(Очерк)

Глава 1. Через донские луга

«Большие Дива», видные с высоты (сзади) Маяцкого городища.

Вдали вид на г. Коротояк.

...Я обманулся в расчёте: время было рабочее, и в Лисках никто не брался везти меня по воде в монастырь. К тому же солнце совсем садилось, так что любоваться с лодки берегами Дона всё равно бы не пришлось. Делать было нечего, и я решился сделать ночную прогулку в Дивногорье на почтовой тройке.

Лиски утопали в своих зелёных садах, в своих белых холмах, в розовых лучах садившегося солнца. Редко и на Дону можно встретить местечко такое живописное и полное такой деревенской поэзии.

Дон тут уже совсем могуч и величествен; а сквозь широко распахнутые им ворота ближних холмов уходит вдаль чарующая перспектива его далёких белых берегов.

Лиски, или, как местные хохлы гораздо правильнее называют их, Лыски -- вероятно, лысые места, лысые берега -- теперь целый городок, очень картинно раскинувший свои бесчисленные белые мазанки с жёлтыми крышами по крутым скатам, уютным лесистым долинкам и песчаным холмам донских берегов. Их глазом не окинешь, потому что, собственно говоря, это не одно село, а целых три большие слободы, с разных сторон присоседившиеся к одному и тому же звену всех их питающей реки.

Две из этих слобод, Лыски и Залужное, в Острогожском уезде, а третья, Петровская, отделённая от них Доном, где находится вокзал железной дороги и высятся настоящим городом огромные многоэтажные корпуса резервных эскадронов с их конюшнями и манежами -- даже совсем в другом уезде, в Бобровском.

Ямщик попался мне говорун, лошадки бойкие, тележка покойная -- так что я самым весёлым образом скоротал свою, не особенно длинную, но и не особенно накатанную дорожку. От вокзала

до Дивногорского монастыря всего 14 вёрст, и ямщики охотно возят туда за 2 рубля в конец; стояло летнее время, поэтому не было нужды объезжать на ту сторону реки и тянуться по горам и оврагам правого берега; привольная луговая низина, заливаемая стариком Доном, теперь настолько обсохла, что по ней давно стала бегать даже почта.

Широкий простор сочного Донского низовья дышал на меня со всех сторон бодрящею вечернею прохладой; удалые коньки бесшумно несли меня по его мягкому зелёному ковру, в котором утопал даже обычный грохот тележных колёс. Кругом, и вблизи, и вдали, куда только глаз хватал, бесчисленными островерхими грибами торчали среди тёмных чащ молодых лесков, на яркой мураве луга, бледно-зелёные стога только что скошенного сена.

Рыжие, белые, буланы, вороные лошади, разбредшиеся на полной своей воле, пестрят, будто крупные цветы, этот громадный зелёный ковёр. Они ушли и мордами, и ногами, и всеми помыслами своими в молодую сочную траву и пожирают теперь её с сосредоточенным увлечением, забыв обо всем мире, не поднимая даже на одну минуту своих философски равнодушных глаз на проезжающую мимо тройку.

Ребятишки-табунщики -- зверьки ещё более довольные и тихим вечером, и вольным простором лугов, в своих ярких рубашонках тоже бродят весёлые и неустомимые, как птицы, в этой сочной траве, среди этих тенистых лесков и полощутся, как утки, в заводях Дона.

То и дело большие рыбные озера перерезают путь, сверкают то тут, то там стальным зеркалом, заставляя змейкою извиваться чуть пробитую луговую дорожку.

А слева непрерывным горным хребтом провожают меня, приосеня молча бегущую реку, обрывистые кручи донского берега, сплошная белая стена на многие версты, будто ограда какой-то необъятной крепости, с зелёною травяною крышею наверху. Она удивительно эффектно опрокидывается целиком в синие ещё омуты Дона, который кажется от этого бездонно-глубоким. И всякий раз, как я вижу эти белые кручи над синиею стремниною исторической реки, я не могу не сказать сам себе:

-- Да, это действительно *синий* Дон! Недаром дали ему народы это древнее его прозвище. -- Что, барин, лодки-то не нашли? Не повезли вас рыбаки? -- участливо обратился ко мне ямщик, незаметно сдерживая лошадей и очевидно собираясь покурить. -- Нет, не взялись... Поздно, говорят... -- Поздно -- это что! Пустое... А народ весь в поле, хлеб убирают, вот в чём причина. В свободное-то время, что ж бы! Меньше рубля только не возьмут, никак нельзя... Положим, им овсом лошадей не кормить и дёгтем колёс не мазать, не то что нашему брату, ну а всё ж таки... В гору ведь лезть надо, четыре бабайки нужно, стало, пять человек народу... Вот и считите теперь сами... А маленькую лодку на гору-то и не взгонишь... Под воду совсем иная статья, под воду что!... Сама понесёт...

Не переставая разговаривать, возница мой очень последовательно вынимал, между тем, из-за голенища трубочку-носогрейку, а из кармана бумажку с махоркой.

-- Покурить, барин, разрешите? -- Дозволю. -- Эх-ма! -- почесал он, оглядываясь на меня, -- табак вот есть, а бумажки нет... Газетки, барин, нет ли какой? Да спичечкой не разживусь ли у вашей милости?

Я дал ему и спичек, и бумажку.

-- Вот на том благодарим покорно, теперь доехать будет веселее! -- обрадовался словоохотливый ямщик. -- Ты сам-то с Лисок? -- спросил я. -- Не! Я Крутояцкий... У нас совсем другое положение. У нас беднота... А тут в Лисках богатый всё народ живёт, хохол! Дюже с чугулки богатеют. Косарь нонче на лугах рубль двадцать за день стоял, баба-вязалка шесть гривен, потому богачи, своим больше занимаются, на чужую-то работу кто его погонит. Вот и Селявная тоже слобода, что подле монастыря, там ведь тоже хохлы живут, дюже тоже хорошо... Устройство какое! Войдешь к нему в домик, к хохлине к этому, -- чистота такая, приятность, ни дать как у господина! -- Рыбой, небось, промышляют? -- Ну, рыба-то на откупу у мужиков богатых, что в озёрах, что в Донах. В озёрах рыба больше мужицкая водится, русская, щука там, карась, линь... А в Донах особливая рыба, господская, белая... Стерлядь это, бирючок и всякая такая... -- В монастыре-то Дивногорском ты бывал? -- Ну, вот, сказали!... -- ухмыльнулся ямщик. -- Может, разов-то три за день побываешь когда... -- Хорошо там? -- Мм... мм!... -- промычал, сочувственно крутя головою, мой возница. -- Там на Успенъев день миру собирается тыщ, может, несколько человек! Котлов полтора ста борщу одного наварят, шей! Нальют тебе на 2 копейки; ну и отпаривай душеньку. Чего там только нет! И-и-и! Боже мой! Ярманка здоровая! И кабаки потайкою, и всё; скота это нагонят, пройти негде. Ну, то есть всё решительно там есть, всякое положение! Отца-матери только нет!...

* * *

Белая стена на том берегу вдруг перервалась; шапка кустов, курчавая, как волосы негра, разом исчезла, и над волнами Дона нависло низко и близко от воды родимое ржаное поле.

Последним редутом крепостной ограды стоял на её краю огромный белый оскол, одинокою могучею пирамидою поднимавшийся выше всех соседних кручей и закрывавший собою темневшую за ним лесистую долинку.

Опустившийся берег скоро после неё опять переходил в суровые скалистые кручи, одетые как броней густым кустарником и подпирающие своими исполинскими контрфорсами лежащую наверху равнину.

-- Что это там за гора, на той стороне? -- спросил я ямщика, указывая на белую пирамиду, замыкавшую фланг стены. -- А то ж и есть самое Шатрище!... Там тоже святостей много. Монахов нету настоящих, не полагается, трудники только одни живут; пещеры там нарыты -- конца-краю нет, аж под самый Дон, сказывают. И уж икон в тех пещерах видимо-невидимо! Старина, одно слово! Вроде как Киев старинный тут был... Господа тоже ездят когда, даже и с этой стороны бывают, с лугу. Кликнут с берега лодку, ну и подают, переезжают туда. За Шатрищем за этим тут же в лощинке баба-старуха хуторком живёт, хатку себе поставила, давно уж!... Вот она святости караулит.

* * *

Слобода Селявная, когда-то принадлежавшая Дивногорскому монастырю и отобранная от него при Потёмкине, покрывает своими домиками и садами высокое темя горного берега как раз в том месте, где река делает очень резкое колено, заворачиваясь под прямым углом вокруг скалистого углового выступа с востока прямо на юг. Вместе с рекою заворачивает туда же и его луговая низина. Как раз против этого колена Дона на левой стороне его -- древнее поселение Копанище, населённое уже не хохлами, как Селявное и Лыски, а чистокровными москалями. Копанище -- это "Богатый Затон", столь часто поминаемый в древних актах воронежского края, в его писцовых книгах и даже в Книге Большого Чертежа. Место это исстари имело значение в системе порубежной защиты русского государства; тут постоянно стояли царские сторожи, караулившие степных кочевников, а судя по названию, вероятно, существовал когда-нибудь канал с целью сообщения с какою-нибудь соседнею рекою или волоком, или же с целью преграждения пути нападающим кочевникам.

* * *

Паром на ту сторону, в Селявное и в Дивногорский монастырь, тоже как раз под Копанищем, у поворота реки. Ночи прошло уж порядочно много, и ни одного паромщика не было видно на берегу.

Ямщик мой направился к куреню, стоявшему над речкою, и стал отчаянно кричать:

-- Господа перевозчики! Перевезите барина!

Но перевозчики, должно быть, только что заснули крепким первосонком, потому что нам пришлось напрасно звать к ним добрых полчаса. Наконец этот глас вопиющего в пустыне был услышан, и огромный заспанный мужик с всклокоченною головою вышел к нам из куреня босой, как спал, накинув для приличия полушубок на плечи. Его провожал оригинальный помощник -- крохотный трёхлетний пузан, тоже, конечно, босой и раздетый; он крепко уцепился за рубаху тятки и горько рыдал, причитая что-то жалостливое над своею злосчастной судьбою, поднявшею его с нагретой тяткиной постели в такой неурочный час. Оказалось, что баба отлучилась куда-то на праздник, и наш бородатый Харон вынужден был остаться не только паромщиком, но и нянькою, что было не особенно удобно совмещать, по крайней мере, в данных обстоятельствах.

Ветер гнал довольно сильно волны, и тяжёлый неуклюжий паром относил течением так далеко, что верёвка, пересекавшая реку, казалась, тянулась теперь вдоль неё. Ямщик с паромщиком общими немалыми усилиями и с немалою потерей времени кое-как перетянули нас, наконец, на ту сторону, аккомпанируемые звучным шлёпаньем набегавших волн и не смолкавшим рёвом не в пору разбуженного ребёнка, не выпускавшего из своего кулачка рубахи отца.

Это ещё наше счастье, что ветер был не особенно велик, а то, бывает, приходится ехать на лодке на ту сторону за народом, и уже тогда только подавать паром.

Проезжие мужики, хотя и платят требуемые копейки, сами безропотно впрягаются в эту лямку и помаленечку переправляются таким образом через реку на своём же собственном непокупном хребте Воистину, первобытная посуда, первобытные обычаи!

* * *

Пристяжная лошадь так напугалась воды, парама и отчаянного плача ребёнка, что при съезде на берег едва не стащила в реку всю нашу тройку. Но с Божьей помощью все устроилось благополучно, и мы тронулись в путь на гостеприимно мигавшие впереди огни монастыря.

-- Вам куда? Вам ведь прямо до Дивов? -- спросил меня ямщик. -- Так вот это ж самые Дива и есть!

Народ не знает ни Дивногорья, ни Дивногорского монастыря. Он по-старинному зовет эти места просто Дива.

* * *

Как бы то ни было, а мне было очень приятно даже и после такой недолгой ночной прогулки по сырым лугам Дона присесть за аппетитно дымившийся самоварчик монастырской гостиницы. Отец-гостинщик попался преоригинального вида, и в своём высоком заострённом колпаке, в узком засаленном подряснике и костлявой искривлённой фигурой необыкновенно напоминал мне тех странствующих иноков, которых так бесподобно изображает на московской сцене талантливый Музиль. Он, очевидно, считал себя умным и всезнающим, и, не питая высокого мнения о познаниях своего скромного гостя, с наивным самоулаживанием поучал его, прихлебывая из блюда чаек, разной житейской мудрости.

Он закончил, впрочем, беседу свою, как и следовало, жалобами на плохие времена, на бедность монастыря.

-- Икона только и кормит монастырь! -- сообщил мне почтенный инок. -- Круглый год ходит. Теперь Матушка из Боброва вышла, а где ходит -- неизвестно. В субботу придёт; а уж в воскресенье утром -- в Крутояк! Там полтора месяца будет жить, только на Успенье к нам назад. Тысяч 6-7 соберет только и нашего. Доходов совсем стало мало. Обапольные одни, Крутояцкие, Острогжские, а дальних у нас не бывает.

* * *

На другое утро я встал рано и сейчас же отправился купаться в Дон.

Очутившись на середине реки, я невольно вспомнил беседу вчерашнего ямщика; "в гору лезть" по воде, действительно, задача нелёгкая; никакие усилия не могут одолеть стремительного, хотя на вид и спокойного течения могучей реки; меня как бессильную щепку относил далеко от того места, куда я стремился прибиться, так что, поборовшись четверть часа с непокорною стихией, я выскочил на берег, согретый будто после утомительной ручной работы.

Отсюда с пустынного берега, при тихом сиянии раннего утра, вид монастыря очень характерен. Белые горы, заросшие лесом, оставляют между собою тесный уступ, как бы последнюю свою ступень к берегу Дона, на которой кое-как скучиваются немногочисленные постройки обители...

Но её домики и церкви кажутся только случайными придатками других нерукотворных храмов, что приосегают их сверху, с обрывов белой горы.

Три утёса-башни поднимаются на этих обрывах, ярко вырезаясь своими белыми обелисками на фоне синего неба и тёмной зелени леса. В этих меловых столбах, из которых один увенчан златою главою и золотым крестом, -- древнейшая подземная церковь обители, опустевшие кельи и колокольня. Ещё глубже в материк скалы идут пещеры. Издали этот природный храм, венчающий храмы рук человеческих, и составляет главную красоту и своеобразность древней придонской пустыньки.

Я отстоял раннюю обедню в хорошенькой, заново отделанной церкви монастыря и, воспользовавшись случайною встречей с одним знакомым мне любителем археологии, ночевавшим в одной гостинице со мною, отправился с ним вдвоём осматривать пресловутые Дива.

Мы прошли с версту пешком над берегом Дона, пока дошли до устья Тихой Сосны. Почему она Сосна, я не знаю, но что она действительно Тихая, в этом всякий может убедиться. Ложе ее почти не имеет уклона, так что устье этой некогда важной порубежной реки нашего московского царства, на которой стояло когда-то столько царских сторож, рубилось столько городков и острожков, насыпалось столько валов, теперь совсем затянуло камышами, кочками, плавучими островками. Судходная некогда река обратилась, по крайней мере, при впадении своём, в широкое болото с плёсами и озерами почти стоячей воды. Меловой горный кряж, образующий правый берег Дона, поворачивает тут по течению Сосны, оставляя между нею и Доном широкую луговую низину.

Дорога на Коротояк тоже поворачивает вместе с кручами берега, послушно лепясь по всем изгибам их каменистой пяты.

Мы сделали не больше полутора-двух вёрст от устья Сосны, когда вдруг перед нами открылся вид, заставивший нас обоих разом остановиться. Слева от нас на мощных меловых осколах провожавшего нас берегового кряжа вдруг вырезались, поднимаясь высоко в густую синеву неба, громадные белые столпы странного вида, целым правильным строем уходившие вдаль...

Они причудливо меняли свои фантастические формы по мере того, как мы поочерёдно приближались к ним и удалялись от них. То мы видели над собою меловые пирамиды, башни, обелиски, то колоссальных каменных истуканов, в которых мы едва не различали грубые очертания человеческих фигур; одни из них казались словно идущими куда-то по крутизне горы в длинных стелящихся одеждах, другие будто сидели на своих каменных седалищах, в строгих застывших позах египетских богов. Но сделаешь два шага дальше, и этот кажущийся египетский бог вдруг разрастается в развалины какого-нибудь средневекового замка, тонкая игла обелиска, видимая в профиль, с фасау оказывается целым громоздким утёсом, в котором устроена церковь и вырыты пещеры.

Пред нами были -- *"Большие Дива"*.

Глава 2. "Большие Дива"

Я всегда придаю особенную цену первым впечатлениям. Мне кажется, только первый свежий взгляд на незнакомый предмет позволяет уловить его настоящую физиономию.

Как пейзаж, так и человек, которых вы часто видите, теряют для вашего представления всякую характерность. С первого невольного взгляда на Большие Дива, пока ещё ни ум, ни фантазия не успели переработать непосредственных впечатлений глаза, я инстинктивно ощутил себя у подножия каких-то гигантских языческих идолов. И прежде чем я сообразил и привел себе на память всё то, что я знал из книг об этих странных произведениях природы, моя фантазия художника уже живо нарисовала мне в мгновенно вспыхнувшем беглом эскизе картину давно минувшего времени, когда долблённые челны каких-нибудь полудиких обитателей Дона, проплывая мимо глухих лесных берегов священной для них реки, в первый раз поражались зрелищем этих удивительных каменных великанов, загадочно белевших среди тёмных чащ леса и провожавших их безмолвными рядами с высоты своих недоступных круч.

В детски-образной фантазии язычника-дикаря это, конечно, должны были быть сами боги, что владычествовали над опасными стремнинами реки, разбивали в бурю о камни берега их утлые судёнышки и топили в омутах водоворотов не угодивших им злосчастных пловцов.

Трудно сомневаться, что тут, во всяком случае, должна была существовать в глубокой древности какая-нибудь важная народная святыня язычества. И резкий поворот Дона в этом месте чуть не под прямым углом (в писцовых книгах это колено Дона называется "*Царева Лука*"), и впадение Тихой Сосны, и присутствие таинственных белых колоссов -- все соединилось, чтобы могучим образом влиять на младенческую фантазию древнего человека; все заставляло его останавливаться на этом характерном привале длинного речного пути и для подкрепления своих сил, и для умиловления богов этой лесной и водной пустыни. Иначе не укоренилось бы за этим местом в течение веков теперешнее знаменательное имя его "Дива". Не вдаваясь ни в какие мифологические и филологические гипотезы, все-таки можно смело утверждать, что имя это несомненно указывает на область языческих религиозных верований; хотя учёные комментаторы "Слова о полку Игореве" до сих пор не спелись между собою на счёт действительного значения этого "дива", что "кличет верху древа, велит послушати земле не-знаеме, Волзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу и тебе, Тмутораканский болван"; но, тем не менее, здравый смысл читателя ясно чувствует, что у неведомого народного поэта речь идёт во всяком случае о каком-то мифическом существе, о божестве старого славянского язычества, предвещающем людям и добро, и худо. Слово дивы, девы, dives, тесно сродное с deus, во многих арийских языках имело приблизительно

одно и то же общее значение. И в наш народный русский язык слова "диво", "дива" вошли сначала в том же первобытном своём значении божественности и только впоследствии приобрели переносное значение дивного, удивительного.

Народ, упрямый хранитель старины, недаром совсем не ведаёт *Дивногория*, а знает и помнит свои древние языческие *"Дива"*.

Столпы, перед которыми я теперь стою в искреннем изумлении, и которых тут около 20, он исстари называет *"Большие Дива"* и *"Столпищи"*; а три столпа над монастырем, в которых иссечены церковь, пещеры и колокольня, он также давно привык называть *"Малыми Дивами"*. Малыми, впрочем, не в смысле размеров столпов, а в смысле их числа, как говорили во времена оны старые летописцы: *"пришли неветшие (т. е. немногочисленные) люди"*; *"стояла малая рать"*.

В некоторых актах Дивьи горы называются иногда Девичьими, Девьими; в очень близком соседстве от Больших Див в Дон впадает с правой стороны даже довольно большая река Девица; это наводит на мысль, что эта река могла быть в древности тоже *"Дивица"*, а не *"Девица"*; в самом деле, трудно представить себе, чтобы грубые кочевники степей, проводившие всю жизнь в охотах, грабежах, нападениях, ощутили вдруг потребность наименовать одну из рек своей пустыни сентиментальным именем Девицы, между тем как так естественно предположить, что они могли придать важной для них реке имя, напоминавшее им какую-нибудь их великую местную святыню.

Впоследствии же, когда язычество и все создания его утеряли свой смысл в памяти народной, слово Девица, более знакомое новым условиям жизни, незаметно заменило собою одинаково с ним произносимое, но большинству уже непонятное слово *"Дивица"*, точно так же, как Дивьи горы по той же причине многие стали называть Девьими и Девичьими. Равно таки слово *"девка"*, *"дивчина"* по-малороссийски и пишется, и произносится дивка, дивчина, а местность Больших Дивов вполне малороссийская.

Такое осмысленное, хотя бессознательное искажение исторических имён духом народного языка, не терпящим ничего непонятного, наблюдается, вообще, довольно часто. Так, например, в Екатеринославской губернии есть река, впадающая в Самару, которую все величают теперь и в народной речи, и по географическим картам *"Волчья вода"*. А между тем из исторических актов можно видеть, что эта мнимая Волчья вода есть ничто иное, как Волочи-вода, Волочья вода, ибо и в ней производился в течение столетий волок казацких лодок из системы Днепровских рек в систему Донскую, под стены Азова и Тмутаракани. В путешествии Боплана она даже называется *Тащи-вода*, что одно и то же с волочи-вода. В новое время потребность в волоках исчезла, самое понятие о волоке стало не всем знакомым, и вот самым естественным и искренним образом загадочная *волочья вода* обращается в понятную всем *волчью воду*.

Я ещё более утвердился в правдоподобности своих предположений на счёт реки Девицы, после того как в одном из древних памятников Воронежского края недавно прочел название реки Девицы в той самой форме *Дивица*, о которой я сейчас говорил.

Замечательно, что Дивными горами называется на Руси не одна только местность у впадения Тихой Сосны. В Пермской губернии есть тоже к *Дивьи Горы*, и *Дивий Камень*. И опять-таки не *дивных*, а *Дивьи*, от слова *Див*, *Дива*. И там их тоже смешивают с *Девьими* и *Девичьими*. И вид этих *Камских Дивьих гор* и *Дивьих камней* удивительно напоминает Дивьи горы Дона.

В старинном географическом словаре А.М. Щекатова так, например, описывается *"Дивий камень"* на берегу реки Колвы, впадающей в Каму: *"Все части сей превысочайшей горы состоят из великих утёсов, представляющих страшное зрелище в развалинах из дикого камня. Взошед на вершину сея горы, нельзя смотреть без ужаса на низ, к текущей тут реке, по причине неописанной крутизны каменных утёсов, кои так как бы слиты из однослойного камня. Крестьяне, живущие близ сея горы, выдумали, будто тут жила некая чудская девица, владевшая сим местом, также как и другими тамошними городами. *Посему иногда они называют сии горы Девьим Камнем*".*

"Есть ещё там же, -- прибавляет А. М. Щекатов, -- от городища далее вниз по реке Каме, Дивьи Горы и река Дивьи Горы, впадающая тут же в Каму. Тоже высокие утёсы из огромных слоев белого слоистого алебаstra, дикого камня, а большие ещё из известной (т. е. известковой) земли, которая своею белизною покрывает всю поверхность гор".

Читая это описание, вы можете целиком применить его к Дивам Тихой Сосны.

Такое поразительное совпадение названий в местностях, так далеко отстоящих друг от друга, невольно убеждает, что понятия и Див, Дивах были широко когда-то распространены по лицу теперешней земли русской, и что не случайно именовались в старину прозвищем Дивьих

особенные формы высоких белых утёсов, вероятно, имевшие какие-нибудь наглядные соотношения с представлением фантазии народа об его Дивах.

О столпах Дивьих Гор первый раз упоминает Игнатий, сопровождавший митрополита Пимена в его опасной поездке на судах по Дону из Москвы в Царьград, всего только через 9 лет после Мамаева разорения и Куликовской битвы.

"Бысть же сие путное шествие печально и унынливо, -- живописно повествует простодушный путешественник. -- Бяше бо пустыня зело, не бяше бо видети тамо ни града, ни села... точию места все пустошь и не населено; не бе бо видети человека, точию пустыня велия и зверей множество".

"Приплыхом к Тихой Сосне, -- рассказывает далее Игнатий, -- *видехом столпы камены белы; дивно ж и красно стоят рядом, яко стозималы, белы ж и светлы зело, над рекою, над Сосною*".

После этого беглого упоминания имя Дивьих Гор встречается только в актах XVII столетия, именно в "строеной книге на город Коротояк" 1648 г.

По книге этой отведено было "коротояцким казакам, чернаевским переведенцам", "на их дачи по указу сенных покосов в полы их земельных дач, за рекою Тихою Сосною на Крымской стороне, снизу реки Дона *от Малых Див* вверх по реке по Дону до устья реки Тихой Сосны, и вверх по реке по Тихой Сосне меж гор по *Див гор* и до *Маяцкого старинного городища* и *от того городища от Больших Див* вверх по реке по Сосне до лозового куста, до пушкарских сенных покосов".

Впрочем, в документах Дивногорского монастыря сохранились доказательства, что на Дивьих горах существовала обитель даже несколько ранее постройки г. Коротояка.

Митрополит Евгений, оставивший нам самое полное описание Воронежского края, видел ещё древние антимины Дивногорских церквей, из которых старейшая во имя святого Николая была основана уже в 1640 г., в две другие -- во 2-й половине XVII в.

Около 1666 г. Дивногорский монастырь был разорён крымскими татарами; монахи его бежали в Белгородскую епархию и основали там новый монастырь. Шайки Разина тоже тревожили его, и в 1671 г. на Дивьих горах произошёл бой между царскими войсками и Фролкою Разиным; уже в следующем году, очевидно, по успокоению края, два старца-инока отправляются на Москву к царю Алексею Михайловичу и испрашивают у него пособие на возобновление нарушенного монастыря.

В архиве монастыря сохранились реестры царских грамот, выданных монастырю царями Фёдором Алексеевичем и Иоанном с Петром на земли и водяные мельницы по рекам Потудани, Хворостани и Тихой Сосне.

При Петре I Дивногорский монастырь упоминается в записной тетради 1696 г. "Как шли певчие дьячки Петра Великого под Азов": "Того же числа приплыли к Дивногорскому монастырю и тут ночевали. Вечерню и утреню пели у боярина (Шейна) в стругу. Мая в 1-й день литургию слушал боярин в Дивногорском монастыре и молебен. На правом клиросе пели мы, а на левом того монастыря иноки". "Дивногорский монастырь, области Белогородского митрополита, зело прекрасен, стоит на берегу Дона реки, с правой стороны, меж гор, а в нем две церкви деревянные, 3-я в горе каменная; тут же и великие пещеры; архимандрит Амвросий да 40 братии". Но о столпах ни одного слова. В этом именно году Дивногорский монастырь был отписан от Белогородской епархии к вновь учрежденной Воронежской.

Монастырь существовал до конца XVIII столетия. С. Гмелин посетил его уже в 1768 г. и как натуралист обратил, конечно, внимание и на Дива:

"Не доезжая того места монастыря, -- пишет он, -- мы увидели на самой середине горы около 20-ти пирамид, которые стояли сряду одна подле другой в расстоянии на две или на три сажени. Сии пирамиды так правильны нам издали казались, что *мы и подлинно почли их за произведённые искусством*. В монастыре нашли мы одного только старого игумена, который тотчас вызвался сам свести нас *к тем статуям*. Но мы увидели внизу ещё под горою, что сии горы были меловые, т. е. что вся гора, вокруг лесом обросшая, не из чего другого состоит, как из мелу; но на самом её конце поднимаются вышереченным порядком сии меловые пирамиды, кои в вышину около 8, в ширину до 4-х, а в толщину до 3-х аршин имеют. Фигура их вблизи весьма неправильна".

На самом рубеже XVIII и XIX столетий известный наш учёный-исследователь митрополит Евгений Болховитинов также посетил Дивногорье и оставил нам, между прочим, и описание "Дивов". А. М. Щекатов в своем "Географическом словаре" только повторил рассказ Е. Болховитинова о Дивногорье.

"На меловой горе, -- говорит Е. Болховитинов, -- стоят многие столпы на подобие столкитов или ледяных многоконечных сосуллек, острыми концами вверх обращённых так, как будто бы мел

сей вырос из горы, и дают ей *удивительный вид*; почему монастырь сей, стоящий при подошве оной, так и называется".

Но уже имени "Дивов" не упоминают ни тот, ни другой путешественник.

Сочинённое книжными людьми название "Дивногорского монастыря" совершенно заслонило собою старое историческое имя местности, и только в никому не известных древних актах, да в несокрушимой памяти народной уцелело до наших времён древнее прозвище загадочной языческой святыни.

Н. М. Карамзин в своей "Истории государства Российского" по поводу Пименова путешествия тоже коснулся Дивных гор, но не посетил их на месте, он перепутал р. Тихую Сосну Острогожского уезда Воронежской губернии с Быстрою Сосною уезда Елецкого Орловской губернии и принял поэтому "Дивные столпы" митрополита Пимена за "стол камен и каменны ссуды" "Донской Беседы", как описываются они в Книге Большого Чертежа. Наконец следует упомянуть, что известный наш археолог И. Забелин в своём замечательном труде "История русской жизни" неизвестно, впрочем, по каким основаниям, делает предположение, что "белые столпы", упоминаемые в путешествии митрополита Пимена, у устья Тихой Сосны, ничто иное, как "*жертвенник Кесаря*", находившийся, по уверению Птолемея на р. Дону, ниже "жертвенника Александра Македонского", который в свою очередь господин Забелин с уверенностью приурочивает к столпам "Донской Беседы", ниже впадения в Дон р. Быстрой Сосны.

* * *

Мы не без усилий взобрались на обрывистые уступы меловой горы, которая при старых путешественниках ещё покрыта была густыми лесами, а теперь тянется над низинами Сосны безотрадною голою стеною.

Все "Большие Дива" расположены по скатам этой кручи, несколько ниже темени горы.

Мы внимательно осмотрели по очереди весь ряд столпов. Вблизи они ничуть не похожи на то, чем кажутся издали и снизу. Словно рука какого-нибудь титанического каменщика сложила их из громадных камней известняка в эти причудливые башни и замки. Некоторые как будто срослись в один широкий утёс из нескольких отдельных столпов. С других, кажется, только сейчас скатились вниз меловые головы, сообщавшие скалам вид окаменевших великанов. Иные смотрят исполинскими, каменными птицами и чуть держатся громоздким корпусом своим, как ибис на одной ноге, на подточенном кругом основании. Растрескавшийся правильными плитами известняка везде смотрит искусственную циклопическою кладкою и заставляет подозревать участие человеческой руки в этих своеобразных очертаниях меловых утёсов.

Ничего, впрочем, нет удивительного, что человек, источивший своими подземельями внутренность многих из этих столпов, мог прикоснуться и к их наружному облику, по возможности подгоняя его к потребностям своей фантазии. Древние исторические страны Азии и Африки представляют не один пример такой намеренной доработки рукою человека грубых произведений природы, едва лишь намекающих на формы искусства.

Мне показалось даже, что в некоторых из этих нерукотворных замков можно заметить следы их обращения в человеческое жилище: в одном из столпов, когда мы рассматривали его потом сверху, взобравшись на самое темя горы, видна как бы задняя сторона правильно вырубленной дымовой трубы; в другом -- как бы остатки искусственной стенки, дополнявшей наружную ограду жилья; в третьем -- довольно ясные признаки расколовшейся оконной арки.

Очень может быть, что это даже не остатки какой-нибудь доисторической древности, а просто следы неудавшихся монашеских попыток устроить себе келейку в каменных складках столпа.

Самые крупные столпы на деле значительно выше, чем это считали С. Гмелин и Е. Болховитинов. Некоторые из них доходят до 16 аршин.

В каких из них есть пещеры, теперь сказать трудно, потому что почти каждый из них засыпан у основания своими собственными обломками, да и пробраться ко многим из них по осыпающемуся кругом скату довольно затруднительно. Судя по народной молве, да и по здравому живому взгляду на эти столпы, внутри этой исторической меловой горы скрывается гораздо более пещер и подземных ходов, чем люди успели до сих пор узнать.

При осыпях горы, при добывании камня то и дело натываются на пещеры; народ рассказывает, что некоторые пещеры были завалены нарочно, чтоб не ходил туда народ, другие обрушились

сами. Как бы то ни было в "Больших Дивах" теперь доступны только одни пещеры, тесно связаны с подземным храмом, вырубленным в самом обширном из столпов.

Столп этот имеет вид узкой пирамиды, сложенной из громадных известковых камней и плит. Верхний утёс его, заметно отделившийся и образовавший нечто вроде верхнего яруса колокольни, увенчан крестом, а на сглаженной передней поверхности этого нерукотворного здания высечены колонки и перемычки большого киота, на том самом месте, где была обретена главная святыня Дивногорского монастыря -- чудотворная икона Сицилийской Божьей Матери, и где теперь помещается список с неё. Под киотом пробито широкое низенькое оконце, загороженное чугунного решёткою, а под окном полукруглая входная дверь.

Большие изображения угодников написаны красками сбоку двери прямо по выровненному сырцу скалы. Железная дверь была заперта на замок, и нужно было спуститься в убогую хатку пониже столпа, чтобы добыть там сторожа. Время было полуденное, и отец-придверник предавался послеобеденному отдыху. Кажется, это единственное живое существо во всей этой безмолвной пустыне голых меловых обрывов, беспрепятственно накаляемых летним солнцем в течение 18-часового дня...

Подвиг молчальника да, конечно, и постника, тут совершается сам собою.

В мазанке невольного отшельника стоит аналой, висят иконы и лампадки, лежат церковные книги. В тенистом уголку прячутся прикрытые лопухами два железные вёдрышка с единственными наслаждениями, доступными в этой пустыне -- ключевую воду, принесённую из колодца горы, и спелыми вишнями из монастырского сада.

На громкий зов наш из невидимого приюта в тёмных сенцах появился как мумия высохший старичок, в обычном чёрном колпаке и чёрном подряснике. Он не сразу понял, в чем дело, но потом пошёл за ключами.

* * *

Сырым пронизывающим воздухом погреба и удушливым запахом гашёной извести разом пахнуло на нас, и мы очутились с тонкими восковыми свечками в руках, вслед за чёрною фигурою инока, под тёмными сводами пещерного храма. Откуда-то из далёкой глубины подземелий тянул резкий сквозняк, охватывающий лихорадочным ознобом вспотевшее от ходьбы тело. Трудно представить себе возможность постоянной жизни в этих меловых пещерах, где со всех сторон обдают вас какие-то насквозь пробирающие ревматические токи. А между тем, тут десятки лет кряду жили и молились люди. -- Жил тут кто-нибудь, батюшка, в прежние времена? -- спросил я нашего не особенно разговорчивого проводника. -- А то как же! Трудники жили. Наверх вот поднимемся, печь вам покажу. Топилась тоже. Летом тут холод, а зимою, а зимою тепло... хоть в рубашке ходи. -- Застали вы тут кого? -- Не! Где ж! Я не застал. 30 лет при столпе живу. Никого не было. В старину жили Ксенофонт и Иосаф иеромонахи, те ведь и пещеры ископали. От них здешняя святыня пошла. -- Давно это, батюшка? -- А кто ж знает? Этого знать никто не может. Сказывает так народ, какие старики старые, что от дедов ещё слыхом слыхали. В житиях пишется, будто 250 лет тому будет, стало, ещё при татарском царстве. -- Вот ещё когда! Значит, уж и тогда монастырь здесь был? -- И нет же, нет! Никакого монастыря не было... дичь одна... леса страшные... зверье. Ну и они пришли в пустыню спасаться... вот как Иоанн, Предтеча Христов, спасался... -- Стало быть, они уже монастырь обосновали? -- Опять же это никому неизвестно. Пришли они из страны иноземной дальней, Сицилия прозывается. Через всякие народы дикие и царства басурманские прошли. И икону чудотворную с собою на руках принесли, Божьей Матушки Сицилийской... вот что в монастыре у нас... -- Вы вот иеромонахами называли их, батюшка, стало быть, монастырь при них был?... -- Никому это не известно, потому что дело давнее!... А поминает их все народ так-то, исстари. Кто из жителей здешних принесёт, бывало, книжку поминальную к проскомидии, -- у каждого первым долгом писаны те самые иеромонахи Ксенофонт и Иосаф. Что с Острогожска, что с Крутояка народ, что Лысок али с нашего Селявного -- всё одно. Со старины так ведётся. Бог знает, с каких времён.

* * *

Мы осмотрели, прежде всего, пещерный храм, за которым начинаются пещеры. Храм вырублен в скале довольно высокими сводами на массивных столбах из того же известняка, расписанных со

всех четырёх сторон так же, как и стены, полинявшими иконами, прямо по сырцу скалы. Убогое убранство храма ржавеет и тлеет неудержимо в этой вечно сырой атмосфере, насыщенной испарениями извести. Живопись съедается и тускнеет ещё быстрее. Впрочем храм этот в настоящее время без престола, для которого оставлено только место в маленьком алтарике. Один раз в году, на Успенье, сюда приходит крестным ходом монастырская братия из Дивногорской обители и служит тут службы. Нужно думать поэтому, что и храм этот был устроен в старое время во имя Успенья Пресвятой Богородицы.

Запустевший храм, скорее всего, возник ещё при первых пещерокопателях -- Ксенофонте и Иосафе. Недаром с ним, а не с каким-нибудь другим столпом Больших или Малых Див, связано нахождение древнейшей святыни обители -- образа Сицилийской Богоматери. Если икона эта постоянно пребывала в старину на этом столпе, как уверяет предание, и если в наше время она и обретаема была на нём же, то трудно сомневаться, что на этом самом месте должно было быть и первоначальное поселение благочестивых отшельников, пришедших из далёких стран пустынножить в дебрях придонских.

Пещеры уходят далеко в глубину меловых толщ, то поднимаясь вверх, то опускаясь, и чем глубже спускаются, тем душнее становится в них; сырость сочится по стенам и сводам сквозь трещины и незримые поры известняка, будто слезы этой мрачной могилы.

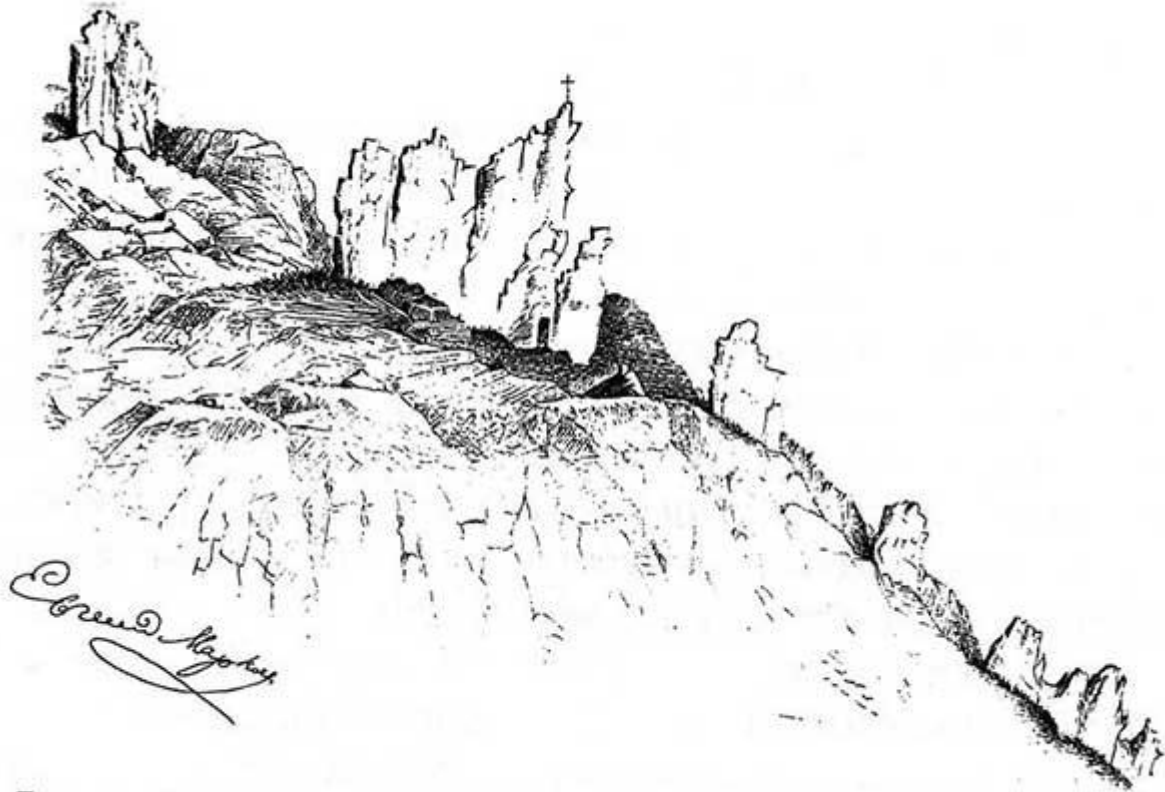
Деревянные доски дешёвых крестьянских икон, расставленные благочестивою рукою богомольцев в разных впадинах и закоулках пещер, слезли и почернели от гнили, уничтожающей их в течение какого-нибудь десятка лет... Они одни сколько-нибудь разнообразят унылое однообразие этих длинных подземных коридоров из белого мела, точащих свои вечные слезы, и только кое-где по сводам по русскому обычаю нанесены кресты, накопчённые свечою усердного богомольца, чтобы отогнать нечистую силу из этого царства тьмы.

Мы заглянули наверх в единственную жилую келейку с крошечным окошком. Она теперь пуста, как и все пещеры.

* * *

Однако и в пределы могилы успела забраться живая жизнь. При выходе из этих душных склепов, я вдруг увидел у наружной двери храма, старательно спрятанное в тёмную складку камней гнездо ласточки, все навзрез полное, как коробочка спичками, раскрытыми жёлтыми ротиками... -- Уже третье завелось! -- с ласковою улыбкою обратился к нам старец, осторожно припирая тяжёлую дверь, чтобы не спугнуть доверчивых птичек.

Глава 3. Маяцкое городище

«Большие Дива». Дальние столпы, видимые с монастырской дороги.

От столпов нужно ещё долго карабкаться по меловым осыпям, чтобы достигнуть верхнего плоскогорья.

Тут уже равнина на несколько вёрст кругом. Над самым столпищем Больших Див виден довольно ещё высокий земляной вал; он правильным четырёхугольником охватывает небольшую полянку величиною около десятины, покрытую давно осевшими и уже полураскопанными курганами.

Это древнее Маяцкое городище.

Нас поджидал здесь местный урядник с сотским, которым было поручено показать нам недавно раскопанную любопытную могилу.

-- А эти курганы давно копали? -- спросил я сотского, пожилого умно смотревшего мужика. Сотский безнадежно махнул рукою: -- Да тут, почитай, уж и копать нечего! С коих пор народ сюда ударился! Несколько, может, годов, я ещё махоньким был, -- все тут, бывало, копались. Чего-чего только отсюда не волокли, из курганов этих самых... -- Что ж такое находили? -- Да всякую всячину!... И ножи железные, и деньги, серёжки разные... Мало ли чего!... Только, должно, не нашей российской работы, с нашим не сходственно. -- А купить у кого-нибудь можно? Осталось ещё что-нибудь? -- Кто его знает... Что-то не в примету. Оставлять кто ж будет? На какой ему ляд? Мещанам больше крутояцким сбывают, когда базар... Нет-нет, ан копеечек пятьдесят гляди и наберёт... А ему-то оно не покупное, за что ни продал -- всё барыш! -- благоразумно рассудил сотский.

В заднем углу окопа мы наткнулись на какую-то яму, по-видимому, не очень давно засыпанную!

-- А это что? -- А это монахи засыпали. Прежде колодезь сухой был. Глубок -- меры нет! Под самый Дон проходил, сказывали старики... Да бык монастырский в него провалился, с тех пор и засыпали... -- Лазал, стало, кто в него прежде, спускался туда? -- Ну, этого не умею вам сказать... Болтают много, да брешут, должно. -- А что болтают? -- О-о! Пустое всякое... Будто, вишь, провалились туда в старину прохожие какие-то... Так слышали под землей пение церковное... И будто опять ходы из того колодца потайные под всю гору, даже до монастыря самого... Так, думается, сказки бабы плетут...

Делалось очевидным, что мнимый колодезь был ничто иное, как *тайник*, которым старинные обитатели Маяцкого городища спускались к реке, а может быть, и в подземелья свои.

Другой такой тайник был случайно открыт при постройке Дивногорского монастыря, на месте нынешней трапезы, всего верстах в 3 от Маяцкого городища. Вообще тайники для незаметного прохода к воде были неизбежными принадлежностями старинных укреплений на случай их осады.

В "строеной книге 1648 г. на город Коротояк", видный нам теперь за 7 верст, как раз напротив Больших Див, пишется, между прочим: "А от тое средней проезжей *воденые тайницкие* башни из города под гору к реке Дону до воды, *где быть впрёд тайнику*, по мере того места из города до воды, *где быть тайнику и тайничному колодезю* того места тридцать три сажени".

"Тайничный колодезь" Маяцкого городища, к которому вёл из середины окопов сквозь толщи скал засыпанный теперь монахами тайник, существует до сих пор у подножия Больших Див, и главный столп этих Див, в котором иссечён осмотренный нами пещерный храм, исстари называется в народе "*столп*, что над колодцем".

* * *

Могила, которую нам показал урядник, саженьях в ста от Маяцкого городища. Все поле по пути к ней и все поле кругом неё на большое пространство, везде, где только я шёл, покрыто чуть не сплошь мелкими черепками самой разнообразной глиняной посуды: красной, жёлтой, серой, белой, чёрной, хорошо выжженной и иногда разукрашенной бесхитростными узорами. Но курганов не видно; даже над раскопанною могилою -- никакого следа кургана. Скорее можно заметить над нею некоторое углубление почвы. Таких углублений, как бы от осадки земли над пустотою, виднеется по полю очень много; иногда они тянутся правильными рядами, как дома вдоль улицы. Нет сомнения, что мы попираем почву какого-то глубоко древнего, многолюдного сельбища, и по всей вероятности эти углубления при раскопке оказались бы рядами могил.

Раскопанная могила довольно оригинального вида: в неё ведет боковой спуск, через который явилась возможность очистить маленький круглый склепик с плоским потолком из крепкой известковой почвы от набившейся в него земли и мусора. Могила обнаружилась совершенно случайно, потому что в неё неожиданно провалилась пасшаяся на поле корова из селявинского стада. Прежде, чем молва о ней дошла до слуха местной полиции, селявинские мужики, уже давно набившие руку на самовольных раскопках Маяцкого городища, разумеется, сейчас же бросились добывать в ней клады. Вместо кладов посредине склепика оказался полуистлевший дубовый ящик, гораздо короче и выше обыкновенных гробов; народ, привыкший считать гробом длинную и низенькую домовину, где покойник может вытянуться по-христиански во весь свой рост, честно сложив на груди руки крестом, вероятно, по этой причине и не признал его гробом, а просто ящиком. В ящиках были кости чрезвычайно сухие и тонкие, потемневшие, как кофе. Вероятно, труп был посажен в этот ящик в согнутом положении, как это часто встречается в древних могилах.

Мы могли осмотреть только уцелевшую часть костей и зубов, совсем ещё крепких, обломки как уголь чёрного и как уголь хрупкого дуба да кусочки словно испепелившейся бурой материи, вроде грубой саржи. Всё остальное улетучилось неведомо куда. Между тем, по рассказам мужиков, напавших на эту могилу, которых мы потом опрашивали на селе, и по рассказам сотского, видевшего их находки, в могиле найдены были довольно характерные вещи.

В сундуке вместе с костями оказались три перстня с камнями вроде кошачьего глаза, а рядом с сундуком стоял "кугелян" (круглый кувшин), по-видимому, пустой, ибо внутри он был совершенно чист. С другой стороны сундука была найдена в деревянном истлевшем футляре обёрнутая в кусок аксамита или бархата, большая медаль, вершка 3? в диаметре, из какой-то золотистой массы, которая сейчас же сломалась пополам, с беловатым взломом, в грубых мужицких руках. На медали этой, по словам сотского, был изображён "змея с крыльями". Когда полиция донесла начальству об этой находке, кугелян и перстни успели отобрать от мужиков и переслать в археологическую комиссию, но медали, которая могла бы более всего пролить света на принадлежность могилы тому или другому племени, разыскать не удалось. По мнению местного исследователя, она напоминает медную медаль с изображением крылатых ангелов и древнееврейскою надписью, которая была найдена в 1887 г. в земле Войска Донского у Аксайской станицы и признается за хазарскую.

* * *

Побродив вдоволь по полям, окружающим Маяцкое городище, я присел усталый на одном из курганов его. У ног моих за причудливыми меловыми обелисками Больших Див, которые были мне теперь видны с затылка и сверху, ещё, кажется, более странные, чем они казались снизу, стелилась привольным раздольем глубоко и далеко внизу, зелёная низина донских разливов, сливавшаяся в этом месте с такими же зелёными и широкими лугами Тихой Сосны. Они были густо усеяны, словно бесчисленными гнёздами грибов, стогами недавно скошенного сена, среди которых чуть ли не также часто краснели, желтели, белели, чернели рассыпавшиеся по этим обильным лугам стада коров и лошадей.

Гигантским синим змеем извивался по этим лугам, свёртываясь в прихотливые кольца, огибая свои многочисленные острова и косы, красавец Дон, задвинутый от горизонта обрывистыми берегами Коротояка.

Гора Больших Див, на которой я теперь был, выступала каменным мысом между двумя сливавшимися речными долинами, и с неё, как с сторожевой башни, далеко видна была вся окрестная местность.

Недаром древнее городище, венчающее эту угловую гору, называется Маяцким. Это, действительно, самое подходящее место для "маяка", дозорной вышки, с которой, в случае приближения с какой бы то ни было стороны вражьих ратей, так удобно было подавать за десятки вёрст сигнальные знаки, зажигая приготовленные заранее костры.

По природной неприступности своей со стороны обеих долин и по важности своего положения при впадении в Дон одной из главных порубежных рек место это всегда и у всех племён, здесь живших, должно было иметь особенное значение. Немудрено поэтому, что просторное темя этой горы представляет из себя одно сплошное городище и, по всей вероятности, один сплошной могильник.

Валы и сторожи Московского царства, несомненно, были здесь только позднейшими наследниками древнейших укреплений и сельбищ разных исчезнувших теперь народностей. Хазары и половцы -- владыки Дона вплоть до нашествия татар -- не могли не иметь своих поселений на таком "причинном месте" великой реки, так что среди попираемого теперь нами неведомого праха, неведомых насыпей, неведомых черепков не может не быть остатков хазарского и половецкого племени, последовательно владевших друг за другом берегами Дона. Но, конечно, и эти уже вполне исторические народы селились здесь на разрушенных гнёздах каких-нибудь ещё более древних обитателей Дона, которых история рисует в туманной полутьме отрывочными и сбивчивыми намёками, путая их под шаткими названиями то скифов, то роксолан, то аримаспов, то сарматов, а ничего определённого не зная о них.

Кому именно из этого длинного ряда чередующихся друг за другом племён нужно приписать поклонение Большим Дивам как языческой святыне, не в силах решить, разумеется, современная археология.

Но вообще можно заметить, изучая исторические местности, что они почти всегда избираются не по прихоти людей, а по роковой необходимости. Выбора обыкновенно не бывает, и племя-победитель, вытеснившее прежних хозяев страны, волею-неволею водворяется в его же угодьях: черпает воду там же, где они ее черпали, высаживается на берег в том же укромном уголку берега, где они высаживались, подсыпает их же разрушенные валы на том месте, на котором одном только и удобно защищаться. Скажу более: при поразительном сходстве быта и верований самых, по-видимому, разнородных племён, особенно же полудиких, даже святыни побеждённых, чтимые ими ключи, пещеры, камни, деревья становятся почти всегда святынями и для новых поселенцев.

Оттого-то, например, камень Соломонова храма, почитавшийся туземцами Палестины ещё до Авраама и Мельхиседека, последовательно становился святыней у евреев, христиан и магометан, приравнивающих его теперь к знаменитому камню Меккской Каабы; а многие прославленные христианские монастыри возникли на месте древних языческих капищ.

Исследователю древностей не следует забывать этого исторического закона своего рода. Можно смело утверждать, что если покопаться глубже, то в основе многих из современных наших святынь, прославленных с древности, окажется какая-нибудь упразднённая в своё время и заменённая ею дохристианская святыня.

Славянин-язычник с его старою верою в вещи дубы, в криницы и источники и потом, став христианином, не был лишён дорогих его сердцу святых ключей с целебною водою и деревьев, на которых обретаются чудотворные иконы.

Я твёрдо уверен, что и в Больших Дивах, и в теперешнем Дивногорском монастыре, и в соседнем ему Шатрище -- во всей этой исторической горе, полной древних христианских святынь, древних могил, древних городищ -- некогда существовали весьма важные языческие святыни, несомненные следы которых сохранились до нас и в пещерах, ископанных неведомою рукою, неведомо когда, с их тайниками и колодезьями, и в утёсах-истуканах, носящих знаменательное имя Див.

* * *

Для охраны рубежей Московского царства местность Больших Див во всяком случае имела большое значение.

Река Тихая Сосна, устье которой защищалось валами Маяцкого городища, служила в течение долгого времени почти на всём протяжении своём пограничною линией, или, как называли тогда, "Чертою" русского государства, отделяя его малолюдные ещё Украины с "крымской стороны" Дона от "дикия страны", от "пустопорожней земли дикаго поля", по которой непрерывно рыскали и налетали на Русь "изгоном" крымские кочевники.

Через Тихую Сосну шёл и знаменитый в русских летописях Кальмиусский шлях, которым так часто двигались от Азовского моря ордынские полчища.

"А на реке на Сосне, от Дону вёрст с 30-ть, каменный брод, *а в том броде лежит дорога Калмиусская*, -- говорится в Книге Большого Чертежа, -- *и тут Сосна перелезти*".

По Тихой Сосне с самого конца XVI в. ставились земляные и рубленые "городки", "опасные острожки" и сторожи, броды перебивались цепями и кольями; река эта составляла прямое продолжение той громадной защитной линии, которая шла то сплошными земляными валами, то прикрытыми речкою отдельными укреплениями от берегов ближайших днепровских притоков на северо-восток берегами Сосны, Дона, Воронежа, Усмани к Тамбовскому и Рязанскому краю, упирався другим своим концом в притоки Волги и преграждая собою, как неохватная Китайская стена своего рода, пути хищникам в области Московские.

В пределах теперешней Курской, Харьковской и Воронежской губернии она называлась Белгородскою чертою. Вдоль неё и от неё вглубь степи, до самых улусов татарских, постоянно разъезжали с весны до глубокой осени, "покуда снега глубокие не укинут", станичники со своими жожами, "смотрели сакмы" и клали "дозорные памятки" в указных местах.

Я недавно ещё проехал во всю его длину тридцативёрстный вал с земляными городками, насыпанный при царе Михаиле Фёдоровиче между речкою Валуём и Тихою Сосною, от бывшего города Ливенска (теперь слобода Ливенки) до города Бирюча, что до сих пор еще тянется своим чёрным горбом, совсем почти нетронутый, среди ржаных и овсяных полей. От конца этого вала шла частая цепь укрепленных городков по левому берегу Тихой Сосны, защищая её броды и перелазы и сторожа "приход со степи воинских ордынских людей"; теперешние города Бирюч и Острогжск и бывшие города Верхососенск, Олыпанск, Усерд были в числе этих укреплений; дальше защитная черта поворачивала уже по Дону, и Коротояк, стоящий как раз против Больших Див через долину Сосны, был первым защитным пунктом на этом повороте; за ним уже следовали дальше по берегу Дона Урыв, Боршев, Костенек и другие городки, большею частью обратившиеся теперь в села, продолжавшиеся потом от Червлёного Яра вверх по течению р. Воронежа.

Коротояк был построен только в 1648 г., когда Маяцкое городище на горе Больших Див называлось уже "старинным городищем". Несомненно, что в это старинное время оно играло ту же роль в защите рубежа русского, какую стал потом играть Коротояк.

По указу царя Алексея Михайловича стольник и воевода Михайло Яковлев "приехал на государеву цареву и великаго князя службу и с государевыми служилыми людьми разных городов, с переведенцы на реку Дон *разсматривал угоджих и крепких мест и короулистых; где пристойно на реке Дону устроить* государев царев и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси город Коротояк".

Ему наказано было осмотреть "*татарские перелазы и броды, и леса, иржавцы, и болота, и чем те татарские перелазы и броды мочно закрепить* и в степных лесах *где пристойно засеки засечь* и на татарских проходах *где пристойно земляной вал зделати и стоялые остроги устроить*".

И стольник Яковлев, исполнив указ царский, доносил, что "тот новый город Коротояк устроен в угодьем месте, и в крепком, *и у лесу, и у воды*, и от приходу воинских людей стал тот новый город Коротояк *к заступлению. И в степь* с того новаго города Коротояка за реку за Дон на Ногайскую

сторону (т. е. левую) *видит далеко* верст на 20 и больше, а за реку за Тихую Сосну на Крымскую сторону в степь видит с того нового города Коротояка верст на 15 и больше".

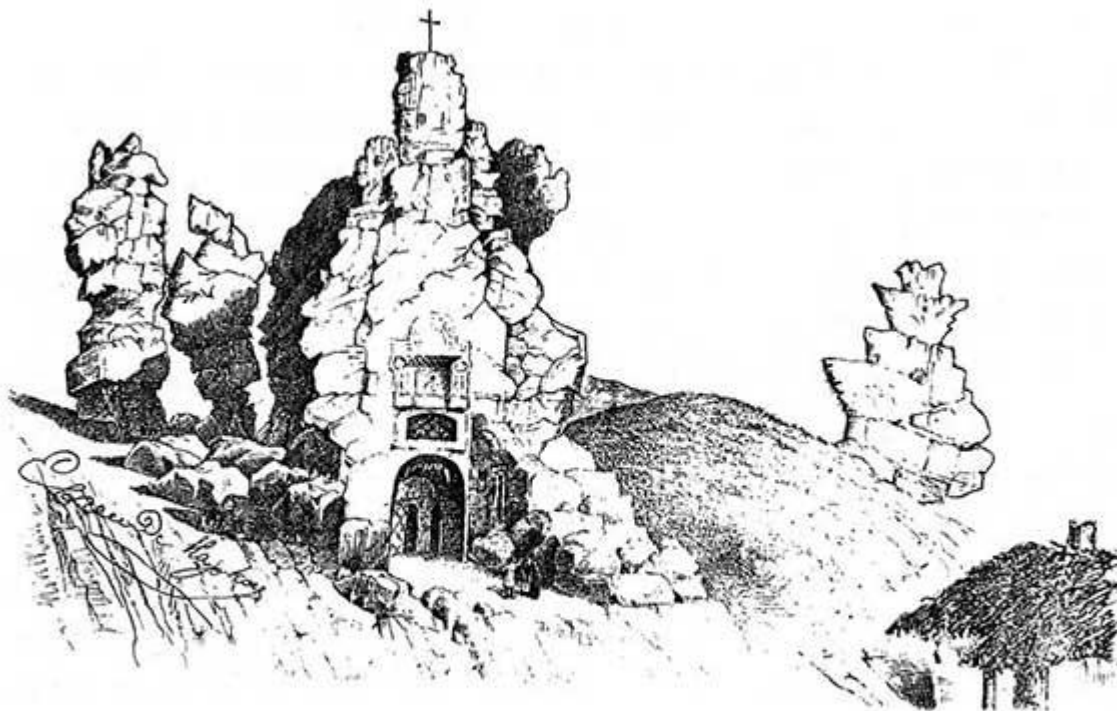
В этом отзыве строителя-стольника в коротких и метких словах, свойственных языку старины, превосходно высказаны все задачи, ради которых строились тогда городки защитной Украинской черты.

Ими хорошо освещается также и обычная жизнь тогдашней Украины.

С высоты Маяцкого городища, как и с бывших рубленых башен "Крутояка", торчащего прямо перед мною на кручах Донского берега, точно также далеко видно в степь и в Ногайскую, и в Крымскую сторону; и кроме того недалеко видны течения обеих рек, Тихой Сосны и Дона, в который впадает она...

Такое над всем владычествующее и вместе недоступное место естественно должно было исстари стать важною твердынею для обитавших кругом племён и одним из главных их поселений.

Глава 4. Дивногорский монастырь

«Большие Дива». Пещерная церковь в столпе, где обретена была икона Сицилийской Божьей Матери.

Мы возвратились в монастырь не прежнею дорогою, а как говорят хохлы, "напростець", т. е. попросту полезли по следам скотов рогатых, без дорог и даже тропинок, через меловые осыпи, на которых не трудно с непривычки сломать себе шею.

Сотский, путеводивший нами в качестве скифа-туземца и избравший этот головоломный путь, утешал нас, что тут "дюже короче". Но я далеко не убедился в этом, когда, наконец, добрёл измученный до монастырской гостиницы; мне, напротив того, припомнилась умная русская поговорка: "в объезд три версты, а напрямик десять".

За то отец-гостинщик угостил нас таким отменным рыбным столом, что хоть бы в пору и архиерею в храмовый праздник. Рыбообильный Дон поддержал с честью свою репутацию.

* * *

Мы отдыхали, однако недолго, потому что пора было осмотреть подробнее монастырь.

Мальчик-послушник, которого одного только разыскали мы в этот безмолвный послеобеденный час, проворно сбежал куда-то и привёл нам монаха. Ключ от древнего пещерного храма хранился у него, и он молча стал подниматься впереди нас в гору по извилистой меловой тропе... Мы прошли мимо двух меньших известковых столпов, в которых когда-то были устроены колокольня и монашеские кельи, а вошли в маленькую дверочку хорошо уцелевшей церкви св. Иоанна Предтечи. Своды её высоки и широки, мел, из которого вырублена она, замечательной плотности, без трещин и слоёв, режется как воск. Алтарь со всеми принадлежностями, клиросы, иконостас -- всё устроено прекрасно и красиво и сохраняется в порядке, несмотря на вечно царящую здесь сырость. В алтаре, в задней стене за престолом, вырублен меловой крест, на котором мы прочли надпись: "Освятися жертвенник Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во храме Рожд. Св. Иоанна Предтечи при державе благочестивейших государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея России: по благословению великаго господина преосвященнаго Авраамия, митрополита Белгородскаго и Обоянскаго, в лето 7162, от Р.Х. 1690, индикта 1, месяца нояврия 7-го дня на память св. мучеников 33". Пещеры идут кольцом вокруг церкви, справа налево, охватывая сзади алтарь. Протяжение их не очень велико, и вообще в них

нет никаких характерных особенностей. При входе в них, под одним из столбов церковного свода каменная гробница схимонахов Ксенофонта и Иосафа -- первых основателей этой пещерной обители. Когда жили они и копали свои пещеры, -- история безмолвствует. По монастырским сказаньям, в 1-й половине XVII в. упоминаются уже другие трудники Дивногорских пещер, позднейшие последователи первых основателей -- епископ Павел, иеромонахи Макарий и Серафим, архимандрит Николай. В разных местах тесного монастырского двора указывают даже могилы их.

Нужно думать, стало быть, что Ксенофонт с Иосафом жили ещё ранее, в начале XVII или даже в конце XVI вв.

Известно, во всяком случае, что в 1658 г. существовал уже здесь не только древний пещерный храм, но и нижняя церковь Успенья с пределом святого Николая, старые антиминсы которых, подписанные киевским митрополитом Петром Могилою, были ещё целы в начале нынешнего столетия.

Где собственно пребывала принесённая первыми основателями икона, в теперешней ли пещерной церкви Иоанна Предтечи или в "столпе над колодцем" Больших Див, -- решить теперь трудно.

Обретена она была, как мы уже говорили, на столпе Больших Див, скоро после того, как упразднённый Екатериною II в 1786 г. монастырь был возобновлён в 3-й раз при императоре Николае (1828 г.) по настояниям окрестных жителей.

Холера, охватившая всю Россию в 1831 г., беспощадно истребляла жителей Коротояка. В эту-то "годину смертности" одной старухе-горожанке видится сон: Мать Божия говорит ей: "Пусть возьмут икону мою из Дивногорского монастыря и помолятся перед нею; если не возьмут, то помрут все!". Старуха бежит поутру в городской собор и рассказывает молящемуся там народу видение своё. Сейчас же толпы народа отправляются в Дивы. Но настоятель и братия не знают такой иконы, какую от них требуют. Коротоякцы знают ещё меньше, где найти её. Наконец отыскался старик, монастырский квасник и хлебопёк, который любил в молодости бродить по покинутым древним святыням Дивногорья и знал всякую тропинку в горах. Он давно оглядел и древнюю икону, забытую во впадинке мелового столпа над колодцем, что у Острогожской береговой дороги. Верующая толпа, тотчас же двинулась к Большим Дивам и действительно увидела икону, врезанную высоко в меловой столп над входом в пещерную часовню. Торжественно отнесли её в Коротояк и поставили в храм монастырского подворья. На другой день обошли с нею крестным ходом весь город и стали носить икону по домам, из улицы в улицу. В несколько дней смертность прекратилась совершенно. В память этого чудесного заступничества Богородицы коротоякцы дали обет ежегодно брать на 6 недель икону из монастыря в город.

В 1848 г. добились права держать у себя 2 месяца Сицилийскую икону жители Острогожска, приписывавшие ей избавление от холеры 1847 г., а с 1858 г., после прекращения опустошительных пожаров, икона эта уносится на 3 месяца в большую торговую слободу Бирюченского уезда -- Алексеевку, известную своим иконописным мастерством и крупными оборотами с подсолнухом и ганусом.

В 1863 г. разрешено было пребывание Сицилийской иконы в течение месяца в г. Бобров по настоятельной просьбе его жителей, а в 1872 г. страшная засуха, посетившая знаменитые своим обилием бобровские степи, заставила местных коноводов и землепашцев также обратиться к помощи Сицилийской иконы. Дождя не выпало ни капли с самого начала весны, травы совсем не было, и табуны дорогих лошадей ходили, изнурённые голодом, по раскалённой голой степи; всходы хлебов замерли, и поля лежали чёрные, будто не сеянные. Жители окрестных селений, старые и малые, толпами вышли навстречу приближавшейся иконе Матери Божьей с крестами, хоругвями и деревенскими причтами. Народ попадал на колени и плакал навзрыд.

"Пресвятая Богородица! Спаси нас!" -- громко молились коленопреклонённые толпы. Прежде чем успела окончиться эта торжественная, всенародная молитва, среди поражённых бесплодием полей разразился проливной дождь. Две недели пробыла икона в степях бобровских, и все эти две недели не прекращались дожди. Зазеленели и загустели ожившие поля, обильная трава покрыла степные пастбища. Народ был спасён. С тех пор икона Сицилийской Божьей Матери ежегодно в начале июня посещает и бобровские степи. Вообще местные жители и монастырские записи, которые систематически ведутся с 1863 г., передают много рассказов о чудесах, проявляемых Дивногорскою иконою. Самый поразительный из этих рассказов -- это история исцеления Авдотьи Семерниной, крестьянки слободы Бутурлиновки, отстоящей очень далеко от Дивных гор. История

эта записана со слов А. Семерниной, духовником её бутурлиновским протоиереем Пахомовым, постоянно её посещавшим и коротко знавшим её семейство. А. Семернина мучилась много лет странною болезнью: она вёдрами пила воду и никогда не могла напиться; вода текла у неё ртом и носом, а она все пила; тело её опухло, как стеклянный пузырь; есть она ничего не могла; рот и глаза ей перекосило, лицо изуродовалось, боли были нестерпимые. Раз во сне ей представилось, что она бродит по каким-то высоким меловым горам, между каких-то больших столпов; входит в пещеру -- и увидела там икону Божьей Матери, в сиянии, в камнях, в цветах. Неведомая черница вдруг сказала ей: "Проси Дивногорскую Владычицу!" -- и она проснулась. Сколько она ни расспрашивала после того, где находится такая икона, какую видела она во сне, -- никто не мог ей сказать. Наконец, одна знакомая монашка, выслушав её рассказ, направила её в Дивногорский монастырь.

Семернина обомлела и не могла тронуться с места, когда вдруг увидела воочию те самые столпы и ту самую икону, которые видела во сне. Обливаясь слезами, долго молилась она ей, и вдруг землячка, с ней бывшая, говорит ей удивлённо: "Тётушка, а у тебя ведь рот на место стал, и глаз теперь не страшен, и лицо прежнее!" Мучительные боли также исчезли, ненасытная жажда воды прекратилась, и Семернина стала совсем здоровой, после 15-летних непрерывных страданий.

* * *

Я знаю, что многие читатели, прочтя эти строки, пожмут плечами с улыбкою сожаления о легковерии людей. Я лично не принадлежу к числу тех, которые имеют нравственное право убеждать других в возможности чудесного. Сам я никогда не стоял в положении, которое дало бы мне возможность с твёрдым убеждением высказаться по этому смущающему всех нас вопросу. Но, может быть, было бы уместно при этом случае указать на некоторую, всем нам общую, непоследовательность в суждениях наших.

В самом деле, почему только в одной этой области мы проявляем обыкновенно столько скептицизма и недоверия? Веру в чудеса мы встречаем широко распространённую и укоренённую среди людей. Если бы применить к этому вопросу принцип большинства голосов, столь излюбленный нами в области политической и общественной жизни, то мы, несомненно, получили бы такой колоссальный вотум в пользу возможности чудес, в котором голоса скептиков потонули бы, как капля в море.

Убеждение же целых веков и народов должно что-нибудь значить в ряду доказательств, особенно относительно предметов, которых не можешь точно исследовать.

Во всяком случае, такое всемирное убеждение несколько посильнее моего одиночного и в себе неуверенного скептицизма.

Но и помимо этого, вспомните, какое вообще доверие оказываем мы свидетельству людей, обещающих показывать истину. На суде единогласное показание двух свидетелей, далеко не всегда пользующихся нравственным авторитетом, достаточно для того, чтобы сослать человека в каторгу за преступление, которого не видел никто, кроме них.

Наблюдение учёного, который в тиши своего кабинета увидел под микроскопом какое-нибудь трудно уловимое изменение невидимой глазу бактерии, принимается за бесспорный факт науки всем учёным миром, на него ссылаются, из него делают важные практические выводы.

Но вот в другой области, в области религиозной веры, самые точные и убеждённые свидетельства людей иногда высокого нравственного авторитета, которых правдивость и искренность не может быть подвергнута никакому сомнению, зачастую умирают за то, что почитают истину, встречаются умными людьми наравне с бабьими сказками как плоды невежественного суеверия и легкомысленной фантазии.

Обыкновенно это объясняют тем, что наблюдения учёных могут быть проверены и подтверждены всяким другим при тех же условиях, а свидетельства чудесного проверке не подлежат.

Но мне кажется, в этой постановке вопроса есть некоторая натяжка. Наблюдения разными учёными одного и того же предмета очень редко могут происходить при одних и тех же условиях, отчего и результаты этих наблюдений далеко не всегда и не во всем совпадают, а с другой стороны, невозможно отрицать, что свидетельства о так называемых чудесных случаях повторяются с поразительным сходством самыми разнообразными свидетелями, при самых разнообразных обстоятельствах, даже в разные века и у разных народов.

Поэтому отрицать с уверенностью явления, которые принято называть чудесными, по-моему, не научно и не искренно; для этого, во всяком случае, необходимо применять к явлениям жизни две разные мерки, две разные логики. Людям науки особенно странно относиться с такою предвзятостью к загадочным фактам духовной жизни человека. Поразительные открытия новейшего времени в области гипноза, может быть, сильнее, чем что-нибудь, должны заставить учёных оглянуться с недоверием на их собственные цеховые суеверия и предрассудки, которые следовало бы назвать "научными", если бы сочетание этих двух внутренне противоречивых понятий не подрывало самого значения науки. То, что казалось детской сказкой только двадцать лет тому назад, стало теперь фактом положительной науки. Порчи и разного рода колдовство над людьми, над которыми скептический XVIII в. потешался как над возмутительным суеверием невежды, теперь нашли свои научные определения и свои законные места в общей системе нервных явлений.

И странное дело! Можно назвать десятки почтенных учёных имён, профессоров, писателей, которые не считают антинаучным писать книги о четвёртом измерении, доказывать возможность "материализации" различных спиритических духов, которые готовы присягнуть, что видели собственными глазами и ощутили собственными нервами прикасавшуюся к ним по воздуху двигавшуюся руку, отдельную от тела, и которые, в то же время, по шаблонному предрассудку своего цеха, унаследованному людьми науки от одностороннего и близорукого XVIII в., не удостоивают малейшего внимания "все эти бабьи рассказы о знаменательных сновидениях и чудесных исцелениях".

Есть ещё другого рода, более осторожные опровергатели так называемых чудес. Не будучи в силах отрицать бесчисленных единогласных свидетельств самого факта, они думают уничтожить значение его, давая ему естественное объяснение.

Молились, мол, горячо, нервы были необыкновенно возбуждены -- ну вот и произошла спасительная реакция в организме, и выздоровела.

Здесь я только стараюсь указать непоследовательность той логики, которая считает себя вправе категорически отвергать эти явления.

Мне кажется, что в том, что молитва потрясает нервы и что самое выздоровление может происходить через нервы, не заключается ничего такого, что заставило бы нас изменить наш взгляд на возможность чудесного. Само собою разумеется, что Высший Разум, управляющей миром, проявляет своё вмешательство в нравственную жизнь человека не иначе, как через известные органы человека, и не иначе, как в известной причинной связи. Всё-таки, при наличности этих условий, какое-нибудь возвращение языка немому от рождения или внезапное исцеление безнадежного долголетнего больного одною силою жаркой молитвы к Богу является, с человеческой точки зрения, бесспорным чудом, потому что выходит из пределов обыкновенного разумения человека и действия ему доступных средств.

Мне кажется, наука только тогда вправе назвать себя наукой, т. е. учением об истине, когда она, как Сократ -- один из отцов её, сознает, что она знает только то, что ничего не знает, когда она поймёт, что, несмотря на всё её кажущиеся бесконечными завоевания, сумма добытых ею истин представляет всего только крошечный островок среди неохватного океана ещё неведомого ей; сознание это нужно, конечно, не для того, чтобы опустить в отчаянии руки перед неодолимою задачею, а единственно для того, чтобы наука в своём самомнении не остановилась на раз выработанных ею излюбленных положениях, а с полною искренностью продолжала неутомимо всматриваться и вдумываться в окружающие её, ещё непонятные ей явления Мира.

Помню, какая завидная ясность и определённости воззрений на все вопросы жизни и смерти царствовала в моей голове в счастливые студенческие годы, когда я в первый раз прочел тетрадки профессоров и научные учебники. Но за то теперь, после целой жизни учения, наблюдений, размышлений, кажется, нет самого пустого вопроса, который бы в глубине души своей я считал для себя вполне разрешённым и не возбуждающим во мне недоумённости всякого рода. Это-то роковое недоверие к самому себе не позволяет искреннему уму присоединиться к храбрым людям, которые, ничто же сумняся, отрицают направо и налево всё, до чего ещё они не успели добраться, и вместе с тем лишает его возможности с такою же почтенною решимостью защищать то, что с таким лёгким сердцем отвергают они.

Если вдуматься в основной смысл всех этих отрицаний, то окажется, что так называемые люди науки считают вообще ненаучным верить в существование духовного мира. Человеком, по их мнению, кончается лестница существ. Но, однако, сама же наука открыла бесконечное протяжение

этой лестницы существ по нисходящим ступеням от человека к микроскопическим монадам, и от них целою цепью незаметных переходов к растительной клеточке. Неужели же научно вообразить, что эта бесконечная прогрессия живой жизни, имеющая свои корни в растении и даже минерале и развивающая все шире свои духовные элементы по мере движения вверх, вдруг обрывается почему-то, достигнув такой ничтожной степени духовности, какую обладает человек, а не продолжается над ним, в сферы, уже не подлежащие его восприятию, дальнейшего могучего прогресса, где с каждой ступенью вверх остается все меньше следов животности и развивается все больше область духа?...

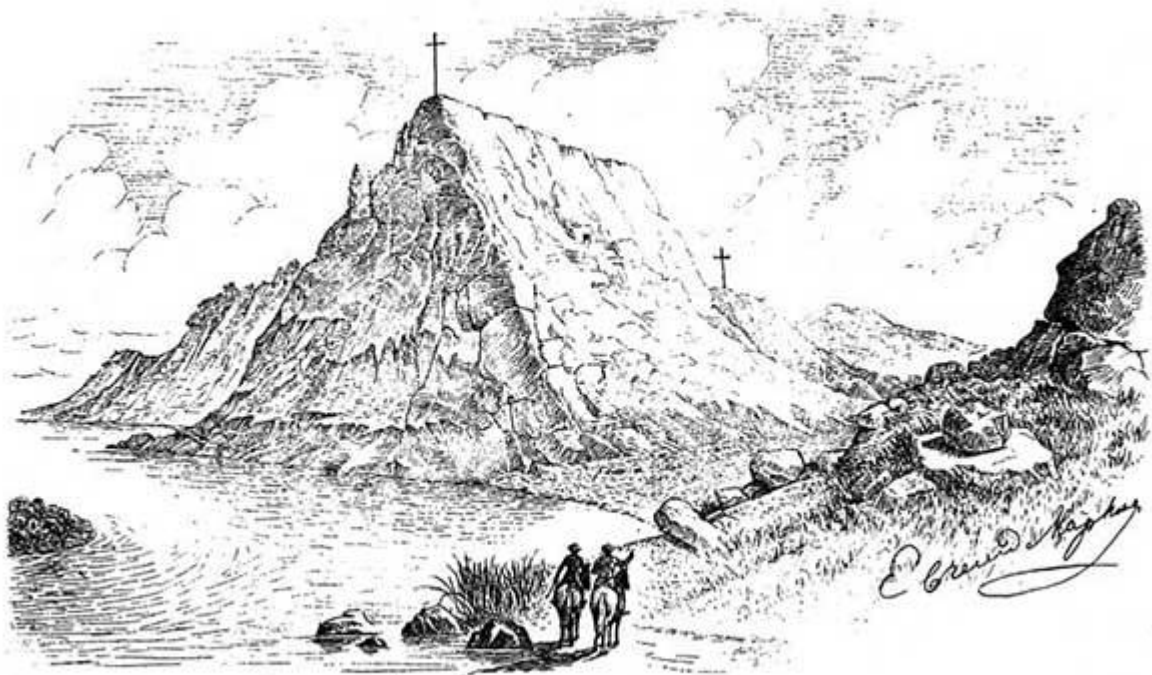
Только что мы успели освежить жаркое тело в холодных струях Дона, как в монастыре зазвонили во все колокола, торжественно, как в Светлый Праздник. Монахи и послушники торопливо выбегали из ворот обители и толпились на крутом пригорке, с которого на далеко видна была окрестность. Мы тоже поднялись к ним. Снизу реки, саженьх в пятидесяти от монастыря, медленно причаливал в эту минуту к берегу битком набитый народом громоздкий паром. На тёмно-синем фоне Дона живописно вырезались ярко горевшие на солнце красные и жёлтые одежды баб, и смурые кафтаны мужиков, среди тёмной кучи которых издали уже сверкала икона. Вот толпа эта с колыхающимся лесом поднятых вверх палок, с мешками, белевшими за спиною, теснясь и волнуясь, стала вываливать на берег вслед за вынесенною впереди иконою, и скорым напористым ходом текла к монастырю.

Монастырский клир в золотых ризах под развевающимися хоругвями и серебряными солнцами на высоких шестах, с образами и крестами в руках, спешил навстречу приближавшейся иконе среди немолчного звона всех монастырских колоколов. Вот они сошлись, эти две двигавшиеся друг к другу толпы -- золотая и смурая; за клубился кадилый дым, раздалось пение канонов.

Архимандрит Анфим, маститый старец, уже 30 лет настоятельствующий в монастыре -- одна из тех сановитых, строго православных фигур, что рисуются на картинах вселенских соборов обличителями еретиков и твёрдыми борцами за церковь -- стоит перед иконою в своей малиновой бархатной ризе и сверкающей камнями митре, приветствуя возвратившуюся в свой дом Богородицу теми же торжественными песнопениями и потому же чину церковному, какие слушали многие века тому назад Владимир Равноапостольный и Дмитрий Донской...

Мы отстояли в Успенской церкви коротенький молебен Богородице и отправились сделать визит достопочтенному хозяину монастыря. Он радушно побеседовал с нами за стаканами чаю о прошлой истории монастыря, о его современных нуждах. Архимандрит Анфим, несмотря на свою старость, удивительно подвижен и деятелен; он с утра до ночи на ногах, в поле, на сенокосе, на церковных службах. Всё, что сделано в монастыре, можно смело сказать, сделано им. Конечно, оттого-то и смотрится он при своих восьмидесяти годах не расслабленным старцем-отшельником, а бодрым домовитым хозяином.

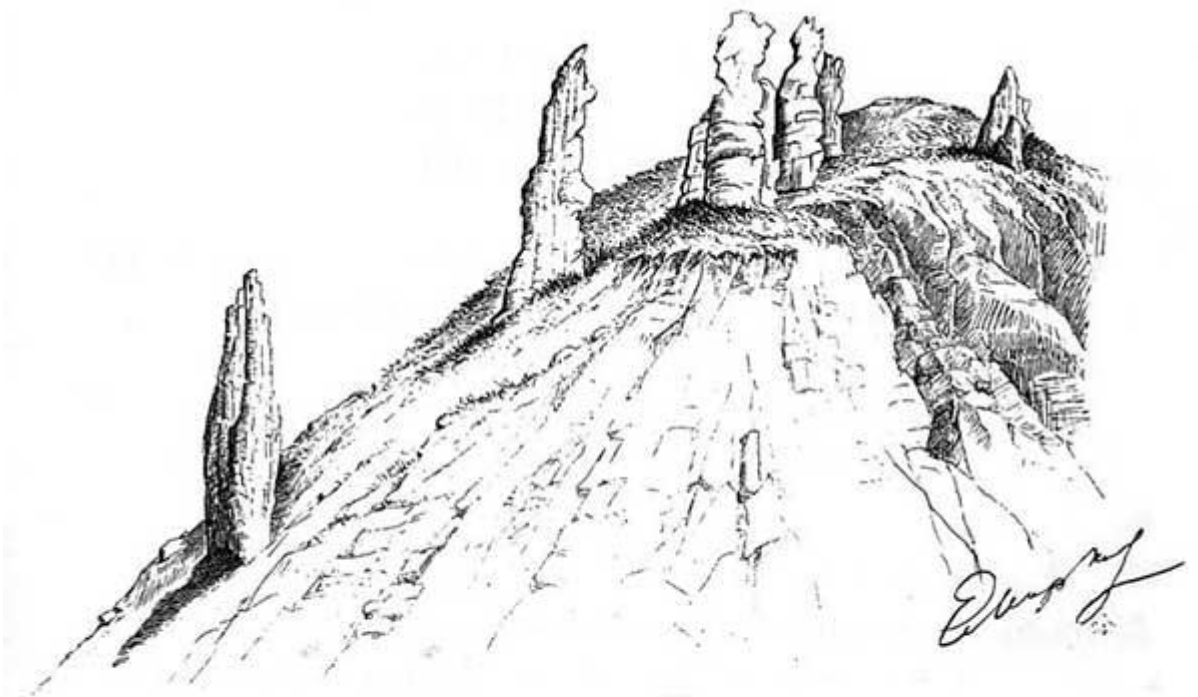
Глава 5. Шатрище

Шатрище с древним пещерным храмом, на реке Дон.

Нам не удалось сладить с рыбаками, которых мы наняли довести нас до Лисок рекою; к тому же поднялся противный ветер, и нам грозила перспектива захватить на воде порядочный уголок ночи. Поэтому мы наняли тройку лошадок с тележкой и отправились назад горным берегом.

Из слободы Селявной мы скоро съехали к подошве мелового кряжа и поехали узкою низменною окраиною его, над самою водою. В осеннее и весеннее время здесь без сомнения не бывает езды, да и теперь наша тележка частенько шла чуть не на боку, захватывая кое-когда воду левыми колёсами. Справа, тесно над вашими головами, подымались могучие белые кручи, то голые, то обросшие лесами и кустами. Верстах в двух от монастыря мы увидели над собою тоже некоторое подобие Див: известковый столп, ещё не совсем отделившийся от толщи горы, поднимается на углу берега, и нам снизу видна, саженьях в 40 выше уровня реки, чёрная дверочка и маленькое оконце выдолбленной внутри его часовни, которая кажется отсюда прилепленной к скале, будто гнездо ласточки.

«Большие Дива». Первые столпы, как они видны с дороги от г. Коротояка.

Дивногорские монахи называют этот столп Малыми Дивами, но, кажется, ошибочно, потому что старые письменные памятники приурочивают это название к 3-м столпам самого Дивногорского монастыря. Часовня в этом столпе устроена также в виде церкви, вокруг которой, как и в столпе Больших Див, идут пещеры. Хотя они расширены и приведены в теперешний вид очень недавно, всего лет 17 тому назад, усердием одного поселянина слободы Лисок, но первоначальное происхождение и этого пещерного обиталища покрыто всё той же тьмою...

Шатрище выдвигает свою громадную каменную пирамиду внезапно и поразительно живописно. Кряж горного берега, надвинутый над нами и закрывающий от нас окрестность, разом вдруг распаивается, будто занавес театра, и над широкою движущейся скатертью синего Дона вырастает, загораживая горизонт, титанический белый шатёр, геометрически правильный, словно дело рук человеческих. Рядом с этою исполинскою меловою пирамидою показались бы детскими игрушками жалкие "великие пирамиды" когда-то великих, а теперь скорее жалких фараонов египетских.

Сочетание голубого неба, белых обрывов, зелёных лесов и синей реки производит чарующее впечатление на глаза и сердце художника, способного чувствовать мелодию колеров и гармонию линий.

Эта белая гора-шатёр -- истинный донской Чатыр-Даг, Палат-Гора; она целиком от пяты до макушки отражается в синих струях Дона, ярко освещённая солнцем, и через это кажется ещё выше, ещё ослепительнее.

Гора эта составляет крайний оплот сплошной каменной стены, провожающей далее правый берег Дона, но она настолько выше и шире её, что совершенно заслоняет её собою и издали кажется одиноким колоссальным редутом, принимающим на свою грудь стремительный напор великой реки и поворачивающим её, как бессильный ручеек, вокруг своих могучих контрфорсов.

Но это не только шатёр, а ещё шатёр-храм. Высокий крест венчает передний выступ гребня её, и другой крест виднеется за нею, над другою известковою пирамидою, едва выглядывающей из-за её хребта.

Только совсем приблизившись к Шатрищу, видишь, что склоны этой нерукотворной пирамиды огранены далеко не так гладко, как это представляется издали. Живописный утёс-башня, напоминающий столпы Див, откалывается здесь от переднего ската пирамиды, над самую бездною Дона, словно какой-нибудь романтический замок рейнских берегов. В нём заметны следы

окна и двери, теперь уже осыпавшихся. Чёрная дыра пещерного входа темнеет высоко вверху на широком поле пирамиды, обращённой к Дивногорью, навстречу нам.

Мы повернули круто направо по узкой долинке у самого подножия Шатрища, к маленькому хуторку, спрятанному в лесистых пригорках. Там живёт богомольное семейство старика-хохла, добровольно охраняющего древние святыни покинутого пещерного монастыря. Красавица-хохлушка сидела в тени крылечка вся алая, как цветущий мак, с разгоравшимися от жару алыми щеками, в алом платье, в алом платке, в кокетливой алой повязке на голове, украшенной алыми и жёлтыми полевыми цветами. Она весело улыбалась на нас, сверкая своими, как жемчуг белыми, тесно нанизанными зубами, очевидно, забавляясь нашим радостным изумлением перед её неожиданно поразившею нас красотой. Совсем неподходящий страж этих таинственных могил и мрачных подземелий.

Мы жадно припали к ведру холодной ключевой воды, зачерпнутой из колодца у подножия горы. Где монастырь, где древняя святыня -- там неизбежно колодезь с чудною, поистине целебною и поистине святою водою. Нужно изумляться, отчего дивногорские монахи до сих пор не устроили какого-нибудь живописного скита в этой прелестной зелёной долинке, под сенью древней святыни, на самом берегу Дона и на бойкой дороге из Коротояка, Острогжска и Дивногорья к железнодорожным путям.

Старик-сторож повел нас, сгибаясь в три погибели, своим старческим утомлённым шагом, которым он может, однако, ходить целый день с утра до ночи, по крутой тропинке наверх. Мы вошли сначала в пещерную церковь. Она очень просторна, с высокими правильными сводами, расписана и по стенам, и по столбам очень порядочно и довольно хорошо сохранившеюся живописью. Под иконами много разных поучительных надписей, и из них можно заключить, что церковь эта, освящённая во имя св. Иоанна Богослова, разукрашена теперешнею живописью всего несколько десятков лет тому назад.

Из церкви узенькая дверочка вывела нас как раз к утёсу-башне, о которой я говорил. Мы очутились над обрывами Дона, который глубоко внизу тихо плескал набегавшими на берег волнами. В эту минуту прямо перед нами проплывала рыбацья лодка; её неудержимо несло течением как ничтожную ореховую скорлупу, и она действительно казалась нам сверху крошечною, как скорлупа.

Немного жутко было обходить по головокружительной круче каменные выступы горы, чтобы достигнуть входа в пещеры. Пещеры эти -- самые обширные и самые замечательные из всех донских пещер. Они тянутся узкими, но достаточно высокими галереями, вырубленными в желтоватых толщах мела, более чем на версту длины, постоянно давая от себя отростки и закоулочки и незаметно спускаясь до самого уровня Дона. Довольно пологие ступени соединяют один ярус этих сводистых галерей с другим, углубляющимся ниже. Убранства в этих пещерах никакого, как и вообще в Донских пещерах. Только кое-где по углам развешаны и расставлены старые, полустёртые образа да накоплены свечками богомольцев чёрные кресты на сводах. Пещеры Шатрища спускаются так глубоко, что в самых нижних ярусах плотная меловая почва уже прекращается, и начинается слой песчаника, через который гораздо легче просачивается вода. Донская пучина уже лежит бок о бок с этими подземными ходами, и, пожалуй, даже выше их.

Не без удовольствия выбрались мы на свет солнечный и на вольный воздух из этих сырых, холодом пронизывающих могил.

Хотелось ещё взобраться на самую вершину горы-шатра и осмотреть, что там.

Взбираться пришлось опять-таки над обрывами реки, что действует на слабонервные головы. Наверху сплошное кладбище, и, очевидно, очень старинное, но всякие предания о нем уже исчезли.

Крест, венчающий священную шатёр-гору, очевидно, взят вместе с золочёною маковкою, в которой он держится, из старинной упразднённой церкви, вероятно, одной из церквей бывшего когда-то здесь древнего Шатрищегорского монастыря, в последний раз разграбленного Пугачёвым и присоединённого затем к Дивногорскому монастырю. В теперешней пещерной церкви Шатрища служат церковные службы не больше раза или двух в год, между прочим, престольный праздник этой церкви -- 6 августа.

Но богомольцы, идущие в Дивногорский монастырь, никогда не минуют древней пещерной церкви Шатрища и по-прежнему несут в неё, как и столетия тому назад, свои грошики и свои грошовые свечки...

С вершины этой Палат-горы, от креста, надалеко видна вся окрестность. Лиски с вечно дымящимися, как бездны ада, трубами их вокзала, с расползающимися во все стороны чёрными стоножками железнодорожных поездов, с их курчавыми садами и белыми хатами, кажутся тут же, сейчас у ног ваших, хотя до них нужно ехать далеко не один час.

Коротояк тоже виден как на ладони на высоком берегу Дона, а лучше всего и дальше всего виден сам синий Дон со своими сверкающими излучинами и ярко-зелёными островами...

Сзади Шатрища, в горе, отделённой от него небольшою лощинкою и увенчанной другим крестом, тоже есть пещеры и часовенка с иконою, у которой служатся молебны.

Конечно, и это следы когда-то здесь бывшего древнего монастыря. Упразднённый монастырь стоял собственно у подножия Шатрища в долинке, где теперь колодезь и хуторок сторожа. От него ещё уцелел довольно большой, но уже частью одичавший сад по скатам задних пригорков.

По всем вероятностям, монастырь был основан в одно время с Дивногорским в начале XVII в., когда началось движение малороссийских казаков из Днепровья в Донщину.

В старых документах он называется Спасским Преображенским монастырем, вероятно, по престолу своего прежнего храма. Очень может быть, что первые основатели его были поражены некоторым сходством Шатра-горы с таким же одиноко поднимающимся среди равнины куполом Евангельской горы Фавора, и посвятили этот родной свой Фавор, как и Фавор Галилеи, памяти Преображения Господня. Из сочинения митрополита Евгения видно, что неизвестно в точности время, когда был основан Шатрицкий монастырь, ранее ли Дивногорского, или после его, а "известно только, что исстари Шатрищегорский ничем не уступал в знаменитости Дивногорскому, как по числу братии, так и по богатству".

Упоминается 1-й раз о "Шатрищах" в сохранившемся при Митрофаньевском Воронежском монастыре указе от 1690 г. царей Петра и Иоанна о приписке к архиерейскому дому Воронежского святителя Митрофана ныне упразднённого Боршевского монастыря: "Да ниже того (Дивногорского) монастыря у реки Дона, в горе, что слывет Шатрище, выбита в меловой горе церковь и та церковь тогда была пуста". Через 6 лет после этого боярин Шеин, посланный в Азов, плывёт с певчими дьячками Доном через Коротояк, Дивногорье и Шатрище. В напечатанной в 1 т. Воронежских актов "Записной книги, как пошли певчие дьячки под Азов" сказано между прочим: "...того же числа проплыли монастырь *Шатрицы*, стоит на берегу реки Дона, на правой стороне, области Воронежскаго епископа, приписной, братии в нем 4-ре человека, тут же многая пещеры каменные из мелу...". Сохранился ещё любопытный документ того времени, касающейся Шатрища, -- это напечатанная во 2 т. "Воронежских актов" Челобитная святителя Митрофана царю Петру на обиды соседних воевод, Ольшанского и Коротоякского: "В прошлом 1700 году., в домовою моею вотчине *ниже урочища Шатрища и Шатрищегорского боерака*, явились на двух дубах насечены вновь воровския грани и выкопана яма. А ныне мне ведомо учинилось, что те две грани велено насечь Коротоякским да Ольшанским воеводы -- Ольшанским пушкарям. Милосердый великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич... пожалуй меня, твоего богомольца, вели, государь, допросить: по какому указу они, воеводы, в моею домовою Боршевскою вотчине грани порубили и ямы выкопали, и для какову вымыслу..."

Закрыт был Шатрищегорский монастырь в 1764 г. при общем закрытии Екатериною II небольших и бедных монастырей. Деревянная церковь его с колокольнею была продана в слободу Меловатку, а вырученные полтораста рублей обращены на постройку при архиерейском доме в Воронеже тёплого храма. Но вера народа не сообразовалась с предписаниями начальства, и богомольцы, как прежде, продолжали тянуть по проторенным издревле дорожкам к глубоководной народом древней святыне. В конце сороковых годов нашего столетия наплыв богомольцев в Шатрищенские пещеры в летнее время был ещё так велик, что не в меру ревностное епархиальное начальство из каких-то трудно понятных опасений сочло необходимым приказать местному благочинному *завалить вход в пещеры*. Произошла, как и следовало ожидать, та же история, что и в Белогорских пещерах. Ночью народ откопал опять пещеры и ещё усерднее стал молиться в запретном храме: кто пел там священные песнопенья, кто читал божественные книги. Тогда обратились к помощи гражданских властей. Коротоякская полиция явилась на место, чтобы завалить опять пещеры и силою разогнать народ. Но народ, прослышав про такие распоряжения начальства, со своей стороны толпами собрался в пещерах на защиту излюбленной святыни. Когда неразумные исполнители полицейских предписаний с каким-то ожесточением варваров принялись рубить иконы и уничтожать на стенах священные изображения, народная толпа, наполнявшая пещеры, пришла в неописанное негодование. Произошло жестокое побоище,

и полиция должна была удалиться с уроном... Народ, можно сказать, грудью отстоял свои древние пещеры и своё право свободно молиться там, куда его влечет его вера. Шатрище приобрело после этого погрома ещё большую славу в народе и ещё сильнее стало привлекать к себе богомольцев.

Рассказывают случаи такого фантастического усердия, что бабы-богомолки поднимались по обету ползком на коленках на кручи Шатрища от подножия его до входа в пещеры, куда и прямо на ногах входить не особенно легко. Это лучше всего показывает, до какой степени народ чтит свою древнюю святыню.

Для меня нет никакого сомнения, что в Шатрище, как и на Дивах, христианство уже захватило какие-нибудь древние языческие святыни. И наружный вид, и название Шатрище свидетельствуют ясно, что такое поразительно своеобразное и вместе неприступное место не могло не остановить на себе внимание даже дикого обитателя Дона. Оно само словно звало его под защиту своих отвесных обрывов, в глубину своих недоступных пещер. Некоторые исследователи русских древностей (между прочим, И. Д. Беляев в своей статье "О географических сведениях в древней России" Записках географического общества, т. VI) делают догадку, что упоминаемые Нестором половецкие города Шарукаль, Чешмаев, Балин, Сугров нужно искать в той части Дона, которая протекает через Воронежскую губернию, именно через Острогожский и Богучарский уезды.

Нельзя не сказать, что соображения этих учёных имеют за себя серьёзные доводы. В самом деле, наши древние князья, воюя половцев, постоянно ходят по Дону.

Так, например, в 1109 г. Владимир Мономах послал Дмитрия Иворовича *в Половецкое поле*, и он *"взял вежи их у Дону"*.

"В 1116 году Ярополк Владимирович ходи на Половецкую землю к Дону и ту взя полон много и города три половецкие: Балин, Чешмаев и Сугров", как повествует Нестор.

В 1199 г. опять то же: "Всеволод ходи на половцы с сыном своим Константином; половцы же, слыша поход его, бежаша и с вежами прочь. Князь же великий ходил *по становищам* их, иде прочь возле Дону".

Хотя многие наши учёные и уверяют, что под именем Дона нужно разуметь Донец, но почему это нужно, доказательства их совсем не убедительны; тем более, что наши старинные акты отличаются обыкновенно строгою точностью своих показаний, как в этом можно убедиться из Книги Большого Чертежа, писцовых и строенных книг.

На Дону же, несомненно, был и знаменитый Хазарский Саркел, или Белая Вежа, Белый шатёр.

Очень правдоподобно, что и половецкие города, названные выше, захвачены были ими у побеждённых и вытесненных хазар, потому что кочевники-половцы вряд ли имели привычку и средства строить города, без которых не могли обходиться сравнительно цивилизованные и торговые хазары.

"*Крайним городом хозаров в России был столица их Саркел, которая отделяла их от печенегов, живших в верховьях Дона и Донца*", -- говорит, со слов В. Н. Татищева, А. М. Щекатов в своём старинном географическом словаре. По В. Н. Татищеву, половцы в 1117 г. напали на печенегов именно *в верховьях Дона*.

В таком случае, действительно есть большой соблазн предположить, не есть ли этот исполинский каменный *Белый шатёр*, на котором я стою, подымающийся неприступным редутом прямо из волн Дона на резком повороте великой реки кочевников с севера на восток, та самая *Белая Вежа, Белый шатёр* наших летописей, который назывался по-хазарски Саркел и, по словам Константина Багрянородного, был построен в 834 г. хазарским ханом с помощью присланных императором Феофилом греческих строителей, "в своей земле при реке Дон, дабы оным городом прикрыть свою землю от печенегов, в соседстве живших"?

Нельзя забывать, что и Шатрище лежит на старинном рубеже Московского царства, близ порубежной реки Тихой Сосны, долго отделявшей украинские русские посёлки от степей кочевников.

Впервые: журнал "Русский вестник", 1891, т. 214, No 5, 6, с. 128--182.

Источник текста: Марков Е. Л. В стране белых гор. Поездка в Дивногорье / Науч. ред. проф. А. В. Бережной. -- Воронеж: Творческое объединение "Альбом", 2007. -- 64 с. -- (Библиотека Творческого объединения "Альбом").